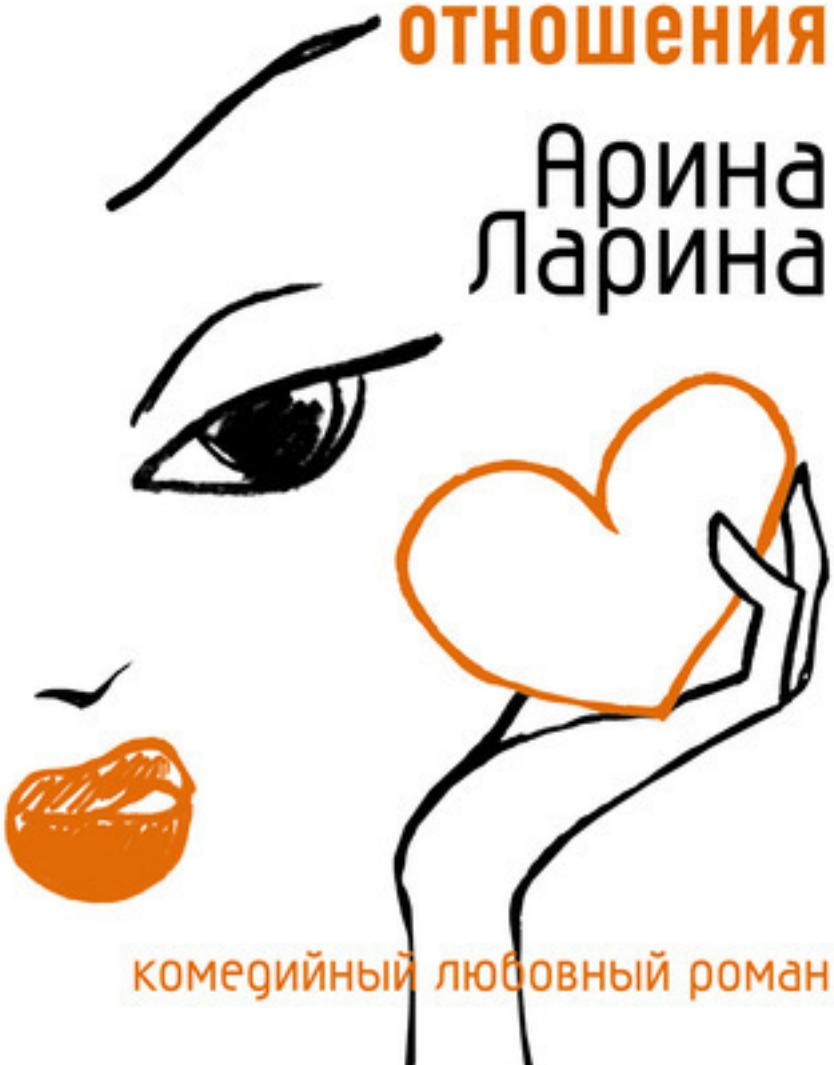

Почти высокие отношения

Арина
Ларина

комедийный любовный роман

Арина Ларина

Почти высокие отношения

«ЭКСМО»

2007

Ларина А.

Почти высокие отношения / А. Ларина — «Эксмо», 2007

Судьба, словно чрезмерно заботливая мамаша, старательно оберегала Лену Кораблеву от мужского внимания. Леночка и рада была бы распрощаться с одиночеством, только вот оно прилипло к ней банным листом и не желало покидать насиженное место. А уже вот-вот — и будет девице немного за тридцать... Так и жила Кораблева — создавая фон для своей яркой и шебутной подружки Светки, которая обожала любовные похождения. Но однажды ураган чувств вдруг настиг Леночку, подхватил и поволок неизвестно куда. В нее влюбился состоятельный мужчина — и позвал замуж! Такое возможно только в сериале. И реальный сериал, главную роль в котором играла Лена, начался!

Содержание

Пролог	5
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Арина Ларина

Почти высокие отношения

Пролог

В баре было шумно. Двое мужчин сидели за круглым полированным столиком. Один из них периодически вяло вскидывал глаза, чтобы последить за стриптизом. Девушка у шеста заученно улыбалась и устало дотанцовывала положенный номер. В этом заведении два давних приятеля встречались почти каждую пятницу, чтобы выпить пива и расслабиться.

Плечистый шатен задумчиво разглядывал свой бокал. Крохотные круглые пузырики неохотно отрывались от тонких стеклянных стенок и весело взмывали к опадающей пенной шапке.

– Как в рекламе, – лениво протянул он, покрутив в крепких коротких пальцах стройный бокал, наполненный янтарным напитком.

– А я слышал, если пузыри булькают, значит, стакан грязный, – хохотнул сидящий напротив худощавый парень с выющейся блондинистой челкой.

– И тебе приятного аппетита, – беззлобно отшутился шатен, но бокал отодвинул.

Он побарабанил пальцами по столу:

– Моя, представляешь, опять к морю просится. Когда-то зимой бегала в рваных сапогах и клеенчатой куртешке, а теперь, вишь, зимой у нее депрессия и надо на курорт. Иначе всю плешь проест. Шуба не шуба, кольцо не кольцо, поздно придешь – плохо, рано придешь – почему не предупредил. А зачем предупреждать? Чтобы она любовника успела выгнать и бутылки сдать?

– А у нее есть? – блондин презрительно скривил красивые губы.

– Что? Бутылки?

– Любовник.

– Нет.

– Ты уверен?

– А то. Все проверено.

– А-а.

Шатен решительно отпил из бокала и сердито сказал:

– Прикинь, сколько ни заработаю, ей все мало. Тут пашешь, пашешь с утра до ночи, а потом – баах! У тещи юбилей. Надо прийти так, чтобы маму перед родней не опозорить!

– Это как?

– Самим приодеться, маму одеть, ресторан оплатить. Да еще любимой теще подарок такой отвалить, чтобы все подружки своими змеинymi языками от зависти подавились. Ладно бы только дома! Так еще и в личной жизни сплошные пинки: Катька обнаглела совершенно! Я к ней отдохнуть хожу, а она с порога как циркулярная пила заводится. А мне такое зачем? У меня дома своя лесопилка.

– Катька – это твоя новая?

– Да какая она новая! Б/у в квадрате. Я ей колечко подарил, так она заявила, что к кольцу ансамбль нужен!

– Песни и пляски?

– Угу! С двумя солистами. У нее тоже мама и ребенок.

– Да. Влип ты.

– Не больше, чем все остальные. Веришь, так обидно иногда! Тут клиент новый, американка. Друг умер, назначил этого чахоточного душеприказчиком. А друг миллионер. Санта-

Барбара на выезде. Приезжает этакий сморчок, полтора метра ростом, в детском джинсовом костюме и просит найти наследницу всех этих заводов, газет, пароходов. Оба эмигранты. Друг, который на кладбище переехал, оставил тут в России беременную невесту, когда сматывался от достижений социализма. Теперь его дочка все наследует. Уже выяснили имя и фамилию, даже адрес знаем. Зла не хватает! Какая-то Лена Кораблева получает все на блюдечке с голубой каемочкой, а я парюсь за копейки да еще эту мегеру-тещу терплю с ее запросами.

– Да ладно. Паришься ты не за копейки, предположим. Девицу-то обрадовали?

– Не-а. Время тянем. Чтобы клиент не думал, что у нас все так просто. Он же считает, что у нас тут до сих пор каменный век: без компьютеров и Интернета. Оплата посуготчная, так что помаринуем пока, думаю, пара месяцев у нас есть. Он все равно в свою Америку уехал, оттуда бдит за выполнением последней воли покойного.

– Слушай, а как вы ее вычислили-то? С такими «Ф.И.О.» тысячи небось.

– У нее отчество – Генриховна. Тут и дурак не ошибется.

– С добрым субботним утром! – Лена растянула губы в улыбке и осторожно открыла глаза. Потрескавшийся сероватый потолок явно не разделял ее отношения к жизни. Собственно, это утро она добрым и не считала, но, согласно теории, следовало начинать каждый день именно так. Эту теорию проповедовала ее ближайшая подруга Светлана Карякина, последние пару месяцев увлекавшаяся психологией.

Тягу к предмету в ней разбудил замысловатый американский фильм с чудовищным переводом и оставлявшим желать лучшего качеством изображения. Кассету они взяли в прокате, чтобы скрасить очередной девичник. Сначала под заунывную музыку по нижней кромке экрана ползали темные контуры ковбойских шляп и бейсболок, а концовка прошла на фоне большой лопоухой головы, внезапно занявшей две трети изображения.

– Пиратская копия, – со знанием дела сообщила Светка еще в самом начале, после чего методично мешала смотреть фильм, предваряя своими пространными комментариями все действия героев. Убийцу она вычислила практически сразу, чем свела на нет все усилия кинематографической группы по созданию интриги. Эта победа густым осадком выпала в Светкин мозг и подтолкнула ее к поступлению на курсы психологии.

Однокая Светлана тут же прониклась глубочайшей симпатией к преподавателю и начала усиленно зазывать с собой Лену, соблазняя дешевизной процесса обучения и скорым получением диплома психолога.

– Хорошие курсы не могут стоить дешево, – уверенно отказалась Лена, но отвязаться от настырной Светки, которой скучно было таскаться на лекции одной, было не так-то просто.

– Вольдемар Карлович – гений, – она плотно прилипла к кухонной табуретке и уходить не собиралась. – Он хочет, чтобы его наука была ближе к людям, поэтому работает бесплатно.

– Бесплатно, это когда без денег, – пыталась вразумить ее Лена, – а твой наставник деньги все-таки берет.

– Разумеется, а аренду помещения он с чего платить будет?

На это ответить было нечего, поэтому Лена просто махнула рукой и коротко сказала:

– Отстань. Не хочу я на курсы, у меня халтуры по вечерам.

– Да что они тебе дают, эти халтуры? – взвыла Светка. – С дипломом психолога перед нами открываются такие перспективы…

– Какие? – тут же строго прерывала полет ее фантазии бдительная Лена. – Мы тоже пойдем обирать начинающих психологов и вести всякие невразумительные курсы?

– Что ты понимаешь в психологии? Психологи везде нужны!

– Где?

– Везде!

– Адрес и желательно телефон потенциального работодателя, – Лена пыталась прекратить бессмысленную дискуссию.

Но Светка цеплялась как клещ, и подобные диалоги повторялись с завидной регулярностью. Она донимала Лену всякими правилами, о которых узнавала на лекциях. Одно из них – начинать день с улыбки – быстро прижилось, поскольку понравилось Лениной маме. Вероника Федоровна вообще очень тепло относилась ко всем Светкиным начинаниям, поскольку считала, что только Карякина способна правильным образом влиять на унылую жизнь дочери. Лена была домоседкой, поэтому живая и горластая Светка, не оставлявшая попыток устроить не только свою, но и подружкину личную жизнь, была последней надеждой Вероники Федоровны. Услышав, что курсы ведет мужчина, она многозначительно кивнула Карякиной, которая вылавливалась в крепком сладком чае очередную сушку, и сообщила Лене свое мнение по этому поводу:

– Вот. Именно в таком месте и можно найти приличного мужа.
– Он там один, – напомнила Лена, – и уже занят.
– Кем? – Светка взорвалась и испытующе уставилась на подругу.
– Если я правильно поняла – тобой.
– А, – коротко вякнула Карякина и вернулась к своему помутневшему чаю. – Так там еще студенты есть. Нужного пола.

– Нужного, это какого? – машинально спросила Лена, размыкаясь, как бы плавно закруглить эту сильно надоевшую тему. Но, похоже, Светка с мамой были заодно.

– Если ты еще не до конца поняла, какой пол для тебя является противоположным, то внуков мне не видать! – тяжело оперлась на стол мама.

– Мы, кажется, говорили не о противоположном, а о нужном, – не сдалась Лена, которой страшно хотелось посмотреть телевизор или просто почитать книжку. Последний раз, когда она поддалась на Светкины уговоры и сходила на пробное занятие в какой-то подпольной школе бизнеса, она потеряла целый вечер, пытаясь вывернуться из цепких лап преподавательницы эстетики, а по совместительству директора кооператива «Бизнес-класс», которая расписывала радужные перспективы обучения в ее подвале, для верности придерживая Кораблеву за рукав блузки. В качестве доводов приводились шансы на открытие собственного дела на деньги все той же директорши, которая, по ее словам, своих учеников не бросала, поездка за рубеж на практику или, как минимум, выгодное замужество с кем-нибудь из обучаемых бизнесменов. То, что единственными кавалерами на курсе были два пенсионера и один чудовищно прыщавый юноша с тощей фигурой кильки, которую долго уминали в общей банке, тетку не смущало.

– Это они сейчас никто, – гордо сообщила она, – а с нашими дипломами – ого-го! Вы еще локти кусать будете!

Лена с удовольствием бы укусила приставучую наставницу за жирный локоть прямо сейчас, но мамино воспитание не позволяло бросаться на людей, даже таких навязчивых.

Светка потом долго хвасталась цветастой заплаткой в дипломных корочках, погуляла с ней по фирмам в поисках работы, разочаровалась в бизнесе и переключилась на другую тему. Диплом оказался в пачке таких же сомнительных документов, между удостоверением консультанта широкого профиля и акциями «МММ».

Вероника Федоровна трагически скосила глаза на Карякину, надеясь найти поддержку.

Поддержка не заставила себя ждать:

– Противоположный пол, Ленка, это такой пол, у которого все наоборот: где у тебя выпукло, у него вогнуто, где у тебя коса, у него плешь, то, что тебе кажется смешным, до него не доходит, а то, что кажется смешным ему, тебя злит…

– Экое убогое создание, – пробормотала Лена. – И для чего он нужен?

– Его надо жалеть и воспитывать.

– Тогда уж лучше ребенок, – хмыкнула Лена.

– Вот, – радостно подтвердила Светка. – А я к чему веду! Ребенок бабе нужен, но без этого убогого никак!

– Да ты что! Правда? – Лена хлопнула рукой по столу и сурово добавила: – Ликбез по половым вопросам предлагаю перенести на завтра. У меня от вас обеих голова уже болит.

В этот раз она решила не сдаваться. Когда-то надо было начинать учиться говорить «нет». Единственное, на чем они сошлись, что Лена будет читать Светкины конспекты.

И вот теперь Лена настраивалась на позитивную волну, пытаясь внешнее довольство судьбой привести в гармонию со своим внутренним состоянием. Состояние бунтовало и от предлагаемой гармонии увиливало.

Впереди маячили два долгих и пустых выходных дня. Светка сбила все планы, позвонив накануне и сообщив, что у нее randevu. Подробности обещано было рассказать в понедельник.

Жизнь вокруг активной Карякиной постоянно бурлила, шипела и исходила многообещающими пузырями. Пузыри лопались, обдавая разочарованную, но не унывающую Светку брызгами надежд: кавалеры пропадали за линией горизонта или резко сворачивали с проложенной заботливой невестой колеи. Светлана была самой близкой Лениной подругой уже больше шести лет. Познакомились они в троллейбусе.

Лена Кораблева всегда переходила улицу только на зеленый свет, уступала места пожилым людям и пассажирам с детьми и никогда не ездила зайцем. В тот судьбоносный день она по привычке затолкала пробитый талончик поглубже в рукавичку и уткнулась носом в слепое белесое стекло, разрисованное причудливыми морозными узорами. О красоте этой зимней сказки Леночка могла только догадываться, поскольку очки, как обычно, моментально запотели, едва она внедрилась в теплое многолюдное нутро жалобно поскрипывавшего троллейбуса. Чтобы не веселить окружающих мутными очками, она по привычке ввинтилась в самый угол: там меньше толкали и не беспокоили навязчивыми просьбами пропустить, пробить талон или уточнить, когда кольцо. Она задремала под хищное лязганье жестяных троллейбусных внутренностей и спонтанно разгорающиеся там и сям скандалы.

– …Будем дальше прикидываться или штраф платить? – увесистый тычок в плечо подтвердил, что обращаются именно к ней.

– У меня талон, – Лена даже не знала, обидеться на это неэтичное предположение о ее безбилетности или, наоборот, погордиться собственной сознательностью. Она скребла по дну рукавички тоненькими пальчиками, но, как назло, не могла нашарить подтверждение своей порядочности.

Контролеров оказалось целых два. Народ резко схлынул: то ли всем действительно срочно понадобилось выйти, то ли ретивые охотники неосторожно спугнули добычу.

Когда Лена наконец-то выгребла два мятых бумажных шарика и старательно их расправила, выяснилось, что ни тот, ни другой не соответствуют требованиям. Может, дырки и в самом деле были не на месте, или контролерам просто хотелось получить с нее штраф в преддверии выходных, но отпускать ее не собирались. Денег на штраф у Лены не было. У нее вообще не было никаких денег. Последнюю наличность она выскребла из кошелька в университете кафе, чтобы оплатить черствую булочку и компот в липком стакане.

Сколько Лена себя помнила, с деньгами в доме всегда была напряженка. Они с мамой не голодали, конечно, но на жизнь хватало с трудом. Отца у нее никогда не было. То есть теоретически был какой-то мужчина, поучаствовавший в зарождении новой жизни, но мама на эту тему не распространялась. Она не обманывала дочь рассказами про летчика-испытателя или капитана дальнего плавания, но любые Ленины попытки выяснить хоть какие-нибудь подробности своего генеалогического дерева по отцовской линии терпели крах. Мама обычно замыкалась, а потом долго ходила с красными глазами, и Лена, чувствуя себя виноватой, отставала до лучших времен. Сначала она придумала историю про папу-разведчика. Он на важнейшем государственном задании в тылу врага, но однажды он вернется. Потом разведчик трансформировался в заморского миллионера, разыскивающего на необъятных просторах бывшей родины

свою дочь. Это было связано с переходом Леночки в поздний подростковый период, когда уже невозможно было не замечать, что все девочки одеты лучше ее, что ходить в детских колготках и старушечьих панталонах неприлично и что мальчикам нравятся те девочки, у которых есть, как минимум, цветной телевизор. Обычно дети играли во дворе, но в двенадцать лет она впервые была приглашена на день рождения к однокласснице, родители которой работали в торговле. Лена была потрясена. Вернувшись после праздника домой, девочка впервые поняла, что дома не так уж уютно и красиво. В конце недели она, как и все участники дня рождения, получила цветную фотографию. Мама долго рассматривала глянцевую карточку, а потом неожиданно повела Лену в «Детский мир» и купила красивое темно-синее платье с кружевным воротничком. Это платье было самой нарядной и запоминающейся вещью из ее детства, она носила его до тех пор, пока оно не стало совершенно неприлично мало. Лена Кораблева не была отличницей, но училась всегда хорошо, особенно легко ей давался немецкий язык, поэтому вопрос о будущей профессии был решен однозначно – переводчица. Хотя ни она, ни мама не были людьми меркантильными, тем не менее тот факт, что переводчицы очень хорошо зарабатывают, сыграл не последнюю роль. Замахнулась она ни много ни мало на университет.

Мама долго бегала по знакомым, искала связи и выходы на приемную комиссию, а когда, наконец, нашла, вернулась домой с совершенно безумным выражением лица. Поступить на дневное отделение было можно, но сумма взятки была не просто бессовестной, она не имела никаких точек соприкосновения с их материальным положением.

Высокая полная женщина, с которой свели Веронику Федоровну добрые люди, была лицом, приближенным к комиссии. Категорически не желая встречаться взглядом с посетительницей, дама ездила глазами по стенам и потолку, мычала, экала и, наконец, зыркнув на одежду и сумочку пришедшей, которую та судорожно прижимала к себе, словно в автобусе в час пик, озвучила цифру.

Вероника Федоровна моргнула, попыталась повторить сказанное про себя, но мозг отказывался считать нули. Он свернулся, как позавчерашнее молоко, и затих, оставив на лице Кораблевой-старшей выражение дикого удивления и полнейшее отсутствие мыслительной деятельности во взгляде.

Правильно поняв ступор родственницы будущей абитуриентки, тетка быстро попрощалась, предложив заходить как-нибудь еще, если что.

Посидев на кухне и поуспокаивав обалдевшую маму, Лена приняла решение поступать самостоятельно. На дневной она решила ломиться для пробы, чтобы примерно представить себе процесс, а на вечерний поступать, уже набравшись минимального опыта.

Трюк удался, и Лена стала студенткой университета. Она была почти счастлива. Почти потому, что с личной жизнью категорически не ладилось. То есть ее не просто не было, но и чисто теоретически выделить время на эту самую личную жизнь не получалось.

В тот зимний вечер она ехала после лекций совершенно вымотанная и хотела только одного: поужинать чем-нибудь горячим и забыться сном в теплой постели. Контролеры, налетевшие словно коршуны, в общую канву запланированных мероприятий не вписывались.

– Плати давай, и разбегаемся, – злился высокий желчный мужик с нездоровым серым цветом лица и огромными складчатыми мешками под глазами. – Совесть надо иметь: государство тебе бесплатную учебу, медицину, а ты на билет жмотишься. Карточку купить надо, если платить забываешь.

– Я в этом месяце не успела, – пролепетала Лена, понимая всю бессмысленность своих оправданий.

– Талоны тоже купить не успела? – каркнула бородавчатая тетка, видимо, напарница серолицего контролера.

– У меня был...

– Сплыл? – почти хором рявкнули бдительные стражи законности.

– У меня нет денег на штраф, – стыдно было невероятно.

– Тогда пройдем в отделение, – уперся серолицый.

«Какой позор, наверное, в деканат сообщат», – в ужасе соображала Лена.

– Так, что у нас тут происходит? – звонкий девичий голос лучился радостью и благодушием.

Его обладательница, маленькая худенькая девушка с юркими карими глазами и смоляной челкой, выбивающейся из-под белого беретика, улыбалась сахарными зубками и радовала глаз очаровательными ямочками на щеках. Портил ее только слишком громоздкий нос, делавший ее похожей на жизнерадостного галчонка.

– Документики свои показываем, – по-хозяйски распоряжалась она ситуацией. – Господа контролеры, я к вам обращаюсь. Слишком много в последнее время мошенников развелось. Мы тоже ученые. Жетон, будьте любезны!

Мужик послушно полез в карман, а тетка решила поскандалить:

– А ты кто такая? Свои документы покажь!

– Так и запишем, – кивнула девушка, доставая из лоскутного рюкзачка крошечный блокнот. – Контролеры 31-го маршрута на просьбу предъявить документы в хамской форме отказали.

– Валентина, перестань, – недовольно поморщился мужик. – Есть у нас документы.

– У вас документы якобы есть, а у девушки билет, – кивнула заступница. – Показываем, показываем, не тормозим. У меня материал горит, как раз завтра статейку тиснем про этот беспредел. У меня пятно пустое осталось в газете, материала не хватает, корреспондентов грипп скосил. А тут вымогательство, подарок судьбы!

– Может, замнем? – мужик болезненно скривился. – Нам и так крохи платят...

– Ты денег, что ли, хочешь? – сориентировалась контролерша.

– Так-так-так! Взяtkу предлагаете, – констатировала девушка.

– Нет, мы проверяем моральный облик нашей прессы, – пробормотал серолицый и растерянно затих.

– Мне на следующей выходить, – робко встремляя в беседу Лена.

– Да... Ладно, тогда, повезло вам, я лучше у девушки интервью возьму об интересах и нуждах нынешней молодежи.

Когда девушки выпали из троллейбуса, Лена робко предложила:

– Заходите к нам на чай, я вам все расскажу.

– Что расскажешь? – удивилась брюнетка, поплотнее заматывая шарф.

– Ну, интервью дам...

Ответом ей был звонкий хохот спасительницы.

– Да ты что, пошутила я! Я не из газеты. Мало ли с кем не бывает. Подумаешь, без билета!

Они же физиономисты, видят, девчонка интеллигентная, вот и прицепились. К какой-нибудь бабе с квадратной мордой небось не пристали бы. Меня, кстати, Света зовут. Будем знакомы.

Так в жизни Лены Кораблевой появилась самая близкая подруга. Жизненная хватка и изворотливость сочетались в Светлане с потрясающей наивностью и доверчивостью в отношениях с мужчинами. Карякина сутилась как мышь перед зимовкой, запасаясь дипломами для удачной карьеры и жизненным опытом в общении с парнями для удачного замужества. Пока ни то ни другое у нее не получалось.

Лена, шаркая старыми тапочками, выползла в кухню. Мама уже пила чай.

– Когда ты выйдешь замуж, – строго сказала она вместо приветствия, – первый же твой выход в таком сеновалевом варианте закончится разводом. А если ты будешь жить со свекровью, то еще и узнаешь о себе много удивительных подробностей.

– Вот когда выйду, тогда и появится тема для разговора, – зевнула Лена. – А пока, мамуля, это все демагогия. И потом: я же только что встала. Вот сейчас пойду почищу перышки, прихорошусь…

Лена плюхнулась на стул и отломила кусок пухлой булки.

– Перья здесь будешь чистить? – ехидно поинтересовалась мама. – Смотри, в чай не насыпь!

– Ой, – хлопнула себя по лбу Лена. – Ма, какое сегодня число?

– Посмотри на календарь, если ты не в курсе, он у меня за спиной.

Лена округлила глаза и в ужасе прикрыла рот ладошкой:

– Катастрофа! Надо срочно сделать тест!

И она унеслась по коридору, громко щелкая задниками тапок.

– Ветер в голове, – проворчала мама. – Если забываешь, надо записывать.

Она со вкусом отпила кофе и вдруг резко побледнела.

– Какой тест?! Когда это произошло?! Отвечай немедленно! – мама распахнула двери ванной. Там было пусто.

– Доченька, где ты? – Вероника Федоровна заполошно металась в тишине квартиры.

Лена сгорбившись сидела за столом, спиной к входу. Плечи подрагивали. Мама застыла, боясь задать срывающийся с губ вопрос. Наконец, она осторожно шагнула в маленькую комнату. Комната была не просто маленькой, а крошечной. В их двухкомнатной «хрущевке» было всего две комнаты: четырнадцатиметровая гостиная и маленький восьмиметровый чуланчик с окном, выделенный Лене в единоличное пользование.

– Хоть и маленькая территория, но своя, – любила говорить Вероника Федоровна.

Лена что-то быстро писала. Ночнушка ситцевым балахоном свешивалась до самого пола, из-под подола выглядывала розовая пятка, выписывавшая замысловатые кренделя.

– Ну? – как еще озвучить свой вопрос, Вероника Федоровна не знала.

– Ой, мам, мне страшно некогда, – забормотала Лена.

– Что с тестом? В смысле, какой результат? – дрогнувшим голосом спросила мама, чувствуя, что вся кровь прилила к лицу, а ноги онемели.

– Никакой, забыла я про него! – раздраженно воскликнула Лена. – Надо же, такой заказ хороший! Главное, легкий: сделать тест для студентов-технарей на немецком. Полчаса работы, вот я и отложила на потом. И как отрезало! Вот кошмар. Я его сегодня к часу уже привезти должна к ним на кафедру и секретарию отдать. Там девица такая, ждать не будет, возьмет и уйдет!

– Убить тебя мало! – выдохнула мама.

Лена, наконец, оторвалась от своего теста.

– Я думала, ты беременна!

– Я???

– Нет – я! – мама сердито провела пальцем по книжной полке и молча сунула его под нос хлопающей глазами Лене. – Ты спрашиваешь таким тоном, словно этот вопрос я задала не своей двадцатишестилетней дочери, а мужику на улице! Какие тебе дети, ты даже пыль вытираять не научилась!

Гневно стуча пятками, Вероника Федоровна вернулась на кухню. Лена еще несколько секунд поморгала, пытаясь осмысливать суть диалога, и снова застroiла на аккуратном тетрадном листочке.

Полпервого Лена вынеслась из подъезда и, то и дело поскользываясь на гладких ледяных проплешинах, побежала к остановке. Похоже, у дворников сегодня был общегородской выходной: ни у дома, ни на проспекте, ни у института не было даже намека на песок. Выпавший в феврале снег почти парализовал движение наземного транспорта. Автобус тащился, как уми-

рающая лошадь в Поволжье во времена свирепствовавшего там голода. Лена притоптывала от нетерпения и тихо ненавидела медлительных пассажиров, степенно вползавших и выползавших по склизким ступенькам новенького «Икаруса». Она катастрофически опаздывала.

Дорога от остановки до института могла бы поспорить с любой полосой препятствий в самом экстремальном шоу: там лед был уже не проплешинаами, а сплошной бугристо-зеркальной поверхностью. Лена в очередной раз убедилась в явных преимуществах своих дешевых мальчишеских ботинок на плоской ребристой подошве. Шедшие впереди нее студентки в сапожках на небольших каблучках обреченно цеплялись друг за дружку и страдальчески взвизгивали, боясь неизбежного падения и последующей порчи ажурных чулочек, украшавших их длинные стройные ножки.

Когда она, грохоча ботинками, внеслась на второй этаж, секретарь Алла уже закрывала двери.

Таисия Даниловна, выдававшая Лене эти редкие, но очень легкие и хорошо оплачиваемые халтурки, еще в самый первый раз предупредила Кораблеву:

– Имей в виду, Алка редкостная стерва, но она у нас тут на привилегированном положении. Спит с кем надо. Вот так вот. Поэтому в конфликты с ней не вступай, на хамство не реагируй.

Не реагировать на Аллу оказалось сложно. Если бы не крайняя привлекательность легкого заработка, – а здесь было единственное место, где не требовали набирать текст в печатном виде, – она просто из принципа отказалась бы от дальнейших контактов с невыносимой девицей.

Аллочке было лет восемнадцать. Она обладала стройной фигуркой, обворожительной улыбкой и абсолютно невыносимым характером. На нее было приятно смотреть ровно до того момента, пока барышня не открывала рот. Склочности и запасу ненормативной лексики этой юной феи могла бы позавидовать любая обитательница одесского Привоза.

Впервые передав Алле два варианта контрольных для студентов-технарей, Лена была сразжена ее внешностью. Густой конский хвост глубокого каштанового цвета, огромные кукольные глаза и губки бантиком под аккуратным носиком ввели Кораблеву в кратковременное заблуждение.

– Будьте добры. Вот это надо напечатать и передать Таисии Даниловне… – договорить Лена не успела.

Вульгарный, хрипловатый голос, который мог принадлежать кому угодно, только не такой очаровашке, резанул ухо почище любого хлыста:

– Кому надо? Мне не надо! Будут тут всякие… с панели приходить и мордой тыкать, что мне делать, а что не делать!

Кораблева едва не выронила тонкую пачку листков. Пара интеллигентного вида мужиков, пивших кофе за книжным шкафом, старательно изображали глухих.

– Чего растопырилась? Пшла отсюда!

Лена машинально повернулась и двинулась к выходу.

– Ой, только не надо мне тут рожи строить! Я тебе сама такое сострою, спать перестанешь! Хочешь?

– Нет, – неожиданно для самой себя совершенно искренне выкрикнула Лена, ускорив шаг.

– Листы оставь, дебильная! Во народ! Понаберут лимиты невменяемой, а я тут мучайся! – отчетливым периферийным говорком рявкнула ей в спину Алла.

Автоматически повернувшись, Лена домаршировала до стола, аккуратно положила заказ и молча вышла. Ее колотило от злости, она презирала себя за то, что промолчала и не ответила малолетней хамке.

За полгода сотрудничества она привыкла к наглой девице и смотрела на нее, как на соседскую болонку, которая облавивала все, что двигалось в пределах видимости.

Алла демонстративно не замечала спешившую к ней девушку, с садистским наслаждением поворачивая ключ в весело щелкающем замочке.

– Алла, подождите! – запыхавшись, прокричала Лена.

– Еще чего! У меня рабочий день закончился, – желчно оповестила ее нахалка и, повивливая круглым задом, пошла навстречу. Лена с убитым видом застыла у стены. Теперь придется ехать сюда в понедельник к началу рабочего дня, чтобы не подвести Таисию. На работе опять будут проблемы, потому что отпроситься она не сможет и в любом случае опоздает к началу. Конечно, ее не уволят, потому что на зарплату переводчика технических текстов в эту заштатную фирмочку мало кто согласится пойти, уж больно смешной там оклад, зато климатическая начальница оттянется по полной программе.

– Вот ведьма! – сочувственно прошамкал за спиной чей-то голос. – Не девка, а чистый сатана! Тебе чего надо-то, милая?

– Да мне только документы оставить! – в сердцах ответила Лена. – Положила бы на стол и ушла. А теперь как быть?

Она расстроенно махнула рукой и побрела к выходу.

– Эка беда, – догнал ее голос. – Иди сюда, у меня ключи от всех ихних конур есть. Иди, открою.

Не веря своему счастью, Лена подбежала к круглой бабульке в синем халате со шваброй и косым ведром, помеченным загадочной абреквиатурой. Оставив листочки на столе и поблагодарив уборщицу, она радостно поскакала по ступенькам. Эта удача взбодрила ее настолько, что Лена решила не ехать сразу домой, а пройтись по Невскому.

У остановки она нагнала коряво семенившую на своих шпильках Аллу. Коротенькая меховая размахайка, не прикрывавшая аппетитный зад секретарши, моталась туда-сюда, как колокол на ветру. Голубенькие прорезиненные джинсы, обильно разукрашенные цветными стразами, обтягивали тоненькие ножки, едва стоящие на накатанной за день поверхности. Лена, мстительно улыбаясь, уверенно вышагивала сзади, стыдясь признаться себе, что ждет, когда эта цапля во всем своем великолепии загремит на исцарапанный лед, взметнув к небу облазнительные конечности.

Прямо у остановки стояла серебристая иномарка, рядом с которой расхаживал высокий блондин в короткой бандитской дубленке.

«Конечно, – обиженно подумала Лена. – Небось эту мегеру ждет. Поедут сейчас по городу кататься, в ресторан пойдут, потом будут целоваться у всех на виду...»

Это был самый болезненный для Лены момент: она категорически не могла видеть целующиеся в общественных местах парочки. К чувству неловкости за увиденный интим добавлялось четкое осознание собственной ущербности. Ее целовать никто не рвется. За двадцать шесть лет жизни она так и не дошла ни с одним из своих малочисленных кавалеров до этой романтической стадии.

Блондин с интересом смотрел в их сторону. Алла перестала ковылять, как раненый краб, и воткнулась каблуками в снег, приняв эффектную позу и тряся в воздухе пачкой сигарет. Видимо, она пыталась намекнуть обладателю иномарки, что дама хочет закурить. Но тот намек не понял и не сдвинулся с места в ее сторону. Зато студенты, стайками покидавшие alma mater, начали наперебой ухаживать, и Алла, наконец уцепившись за одного из них, пошагала как циркуль, так и не порадовав Лену своим падением.

Махнув рукой на месть, Лена подошла к зебре и начала честно ждать зеленого света.

– Девушка, а вдруг нам по пути? – проворковал бархатный баритон, и кто-то осторожно тронул ее за локоть.

– Знаете, что бывает «вдруг»? – от неожиданности Лена чуть не порадовала неизвестного любимой Светкиной поговоркой.

– Что? – с готовностью поинтересовался голос.

Лена залилась краской и буркнула, боясь обернуться:

– Ничего!

Кавалеры редко проявляли к Лене интерес, а если и проявляли, то временный. В школе мальчик, севший в девятом классе с ней вместе и целых три года преданно носивший ее портфель, весь выпускной вечер протанцевал с другой. Сын близкой маминой подруги, которого Лене навязала Вероника Федоровна, испугавшись, что дочь так и прокукует всю жизнь одна, сначала имел успех. Они ходили в кино, гуляли по городу, разговаривали на всякие умные темы и в конце концов откровенно начали тяготиться друг другом. Немаловажную роль в расколе этого так и несостоявшегося союза сыграли мамы. Мама Валеры перед каждым свиданием делала страшные глаза и вещала:

– Только попробуй ее хоть пальцем тронуть! Я потом Веронике в глаза посмотреть не смогу. Имей в виду, Лена – девочка из приличной семьи. С ней нельзя, как со всякими там...

Для изображения «всяких» мама морщила нос и кривила губы. Ее добре лицо со всеми тремя подбородками становилось похожим на блин, неудачно снятый со сковородки.

Поскольку Валера, как и не пристроенная Лена, уже давно дозрел как раз для общения с девушками, которые категорически не нравились маме, а с Леной ничего делать было нельзя, кроме как водить по кинотеатрам и тратить деньги на обязательные букеты и мороженое, он начал старательно искать повод для уклонения от этой надоевшей повинности.

Лене же мама говорила вещи прямо противоположные. Страшным шепотом она требовала:

– Не вздумай строить из себя недотрогу. Он мальчик порядочный, если что – не сбежит, женится, а тебе опыта пора набираться. В вашем возрасте глупо сидеть и таращиться на луну.

– А что, лежать нам под ней, что ли? И вообще, ты предлагаешь мне проявлять инициативу? Представляю, что он подумает!

– Ничего не подумает. Пора уже не размышлять, а действовать.

– Я попробую, – обещала Лена, но, едва увидев вежливого Валеру с букетиком, понимала, что закидывать на него в кинотеатре ноги или прижиматься в метро ни за что не будет. Просто потому, что ей этого не хочется. То есть, может, и хочется, но она боялась выглядеть глупо в том случае, если кавалер в ужасе шарахнется в сторону и потребует объяснений. Или маме пожалуется.

Это могло тянуться бесконечно, если бы однажды приглашенная к нему на день рождения Лена не выпила лишнего.

Компания собралась не очень большая: Валера, два его друга и девушка одного из друзей, прихватившая с собой подругу для полового равновесия.

Друзей звали Коля и Миша, а девушек Наташа и Вика. Наташа, Колина девушка, видимо, прихватила с собой Вику, рассчитывая на тесный между собой чик с последующей ночевкой. Когда она спросила своего кавалера, что за компания, тот честно ответил, что все свои, будет весело и нужна еще одна девушка для комплекта. Слово «весело» Наташа поняла не совсем правильно, поэтому и привела бескомплексную Вику. Та, в свою очередь, положив глаз на хозяина мероприятия, рассуждала со здоровой житейской практичностью: с очередным своим ухажером она рассталась, идти домой к родителям не хотелось, поскольку родственники хором учили ее «правильной» жизни, поэтому нужно найти нового друга со своей жилплощадью. Прикинув, что если хозяин и решит выгнать гостей, то уж приглянувшуюся девушку точно оставит, Вика пошла в наступление. Изо всех сил хоронившийся Валера был ею тут же раскушен. Сначала она ненароком потолкала его круглым коленом под столом: парень залился лиловым румянцем и обрадованно заерзal. Она начала стрелять глазками и зазывно потряхи-

вать бюстом. Валера, которому Лену трогать было нельзя, а упустить представившийся шанс оставаться в покинутой мамой квартире с девушкой не хотелось, с радостью воспользовался обстоятельствами.

Пока Лена, которой мама на прощание велела любой ценой остаться ночевать, размышляла, как бы осуществить задуманное, Вика воплотила в жизнь все ее самые смелые фантазии. Валера реагировал на удивление активно и с выдумкой. Коля с Наташей пропали из поля зрения еще до появления на столе горячего. Поэтому Лене, со стороны наблюдавшей сцену совращения несостоявшегося жениха, вместо того чтобы в ней участвовать, не осталось ничего, как изображать хороший аппетит. Друг Миша, потевший от волнения и ждавший от скучающей за столом Лены Викиной активности, одну за другой наливал рюмки, решив, что сладкий ликер не опасен. Поскольку Лена была парным вариантом к нему, Миша начал за ней ухаживать, не придумав ничего лучше, как уговаривать ее все тем же ликером. В результате через час они уже целовались, плавно отбывая в царство Морфея.

Пробуждение было страшным. Первым, что опознала Лена, с трудом разлепив веки, словно заклеенные скотчем, была впалая мужская грудь с редкими волосами и по-цыплячьи выпирающими ребрами. Ее голова лежала на этой стиральной доске, и на тупую внутреннюю боль наславалась ноющая боль в щеке.

«Наверное, у меня там вся эта анатомия отпечаталась», – мрачно подумала Лена, боясь продолжить осмотр собственного тела.

Голова, крепившаяся к цыплячьему торсу, принадлежала не Валере. Она старательно пыталась припомнить имя юноши и вынуждена была констатировать, что вообще ни одного мужского имени вспомнить не может. Мозг еще спал, не желая участвовать в утренних страданиях хозяйки.

При попытке подняться у Лены потемнело в глазах, а в затылок словно воткнули лом. Даже стонать оказалось больно, поскольку голосовые связки, вознамерившись жалобно повибрировать, задели какие-то нервные окончания в висках, и она едва не потеряла сознание.

Полежав некоторое время без движения и научившись более-менее пользоваться веками, Лена предприняла еще одну попытку оценить масштабы трагедии. Она пошарила рукой внизу и с облегчением обнаружила, что кавалер спит в штанах. Ее колготки тоже были на месте. Когда она, повращав глазами, сфокусировалась на лице лежавшего, то едва не заорала от ужаса: он смотрел прямо на нее.

– Здрасте, – просипела Лена, криво улыбнувшись и пытаясь перенести голову куданибудь в другое место. Трюк удался. Теперь они просто лежали рядом.

– Все было замечательно, – неуверенно скрипнул парень.

Лене стало смешно, и она мелко затряслась, стараясь не беспокоить своими вибрациями медленно оживаящий череп.

Когда она обрела способность передвигаться по квартире, первое помещение, куда ее занесло, оказалось хозяйской спальней. Как и следовало ожидать, Валера с Викой спали там младенческим сном, только в отличие от интеллигентных, но слегка перебравших гостей на них абсолютно ничего не было. Лена с горечью констатировала, что фигура у Валеры была очень даже ничего. Но это к ней теперь уже не имело ни малейшего отношения.

Еще двоих не задержавшихся надолго кавалеров привела Светка. Один оказался умопомрачительно рыжим и глупо ржал по любому поводу. Он сводил Лену на легендарный фильм «Тупой, еще тупее», гоготал весь сеанс и потом весь вечер пребывал под впечатлением, пытаясь обсудить увиденное. Второй на первом же свидании сообщил, что Лена не в его вкусе, но он не видит смысла портить себе из-за этого прискорбного факта вечер, поэтому после прослушивания сообщения о своем несоответствии кавалерским требованиям Лена была приглашена.

шена в ресторан, где он долго и со вкусом рассказывал о себе, женской психологии и женских ошибках в отношениях с мужчинами.

Все эти неудачи послужили замечательным фундаментом для формирования устойчивых комплексов.

Поэтому Леной, внутренне готовой к своему пожизненному одиночеству, мужчины обычно не интересовались. Ее не замечали, скользя по ней равнодушными взглядами, словно по незначительной детали декораций, цепляясь за более эффектные экземпляры.

Именно наличие букета приобретенных за недолгую жизнь комплексов и объясняло тот факт, что неожиданное внимание неизвестного мужчины выбило Лену из колеи и даже немного напугало. Когда она, наконец, отважилась оглянуться, то ей стало совсем плохо. Рядом смущенно переминался тот самый блондин из иномарки.

– Ну и чем обязана? – сухо поинтересовалась Лена. Она категорически не могла предположить, что этому мачо понравилась бледная очкастая девочка в детских ботинках и длинном дутом пальто, которое мама называла хламидой и требовала выбросить. Если он ею интересуется, значит, есть корысть.

– Вы не голодны? – блондин форсировал события.

Представив, что он сейчас даст ей какой-нибудь откушенный гамбургер или недоеденный пирожок, или насыплет пригоршню мелочи в ладошку, Лена нервно хмыкнула.

Ее реакцию он понял неверно, засуетившись и потянув девушку к автомобилю, крепко взял за локоть. Лена испуганно вырвалась и метнулась через дорогу на мигающий зеленый свет. Мужик бешеным сайгаком поскакал за ней.

– Я милицию позову! – взвизнула Лена. На них стали оборачиваться.

Блондин виновато моргнул и развел руками:

– Ну простите. Я думал, вы согласны.

– На что?! – Лену колотило от испуга, поэтому она почти кричала.

– Да что вы опете-то? – похоже, он обиделся. – Я же вас просто пригласил пообедать.

– В машине?

– Что? Нет, конечно. Но мы же должны как-то добраться до ресторана.

– Давайте, вы сразу скажете, что вам от меня надо, и разойдемся по-хорошему.

– Ничего себе, – пробормотал он. – А что, непонятно разве. Познакомиться хочу.

– Зачем?

– Вы случайно не следователем работаете? Просто допрос какой-то.

– А вы, похоже, со следователями часто сталкивались по роду своей деятельности...

Роскошный парень округлил глаза, неуверенно качнул головой и расстроенно спросил:

– Значит, не поедете со мной?

На лбу у него появились две страдальческие морщинки. Они были какими-то жалкими и трогательными одновременно.

Лена вдруг подумала: «А почему нет? Разве я убогая какая? Почему бы ему действительно не захотеть познакомиться со мной?»

Но пережитый страх еще трепетал где-то в глубине души, и она строго сказала:

– В машину я не сяду.

Он растерянно оглянулся и спросил:

– А как же быть? Здесь ресторанов нет.

– Не сяду, – Лене опять стало страшно. Другой давно бы уже плонул и ушел, а этот топчется тут...

«А любовь? – хихикнула в подсознании игривая мысль. – Может, это твоя половинка!»

– Давайте поедем на такси, – сдалась она, все еще сомневаясь и боясь, что и такси какое-нибудь подставное. Вдруг он с водителем договорился заранее. Конечно, она не такой ценный

фрукт, чтобы городить такие сложности. С другой стороны, а если они какого-нибудь донора ищут для пересадки. Можно и потратиться на усыпление бдительности. Поняв, что это уже начинается паранойя и оценив очарование виноватой улыбки кавалера, она махнула рукой и сказала:

- Ладно, давайте на вашей машине.
- Олег, – он галантно кивнул.
- Это вы к чему?
- Это я к тому, что мы сейчас познакомимся, и вы не будете терзаться мыслью, что сели в машину незнакомого мужчины.
- Оттого, что я знаю ваше имя, ничего не изменится. К тому же вы запросто могли наврать, – решила она блеснуть своей сообразительностью.
- Хотите, я вам паспорт покажу? – улыбнулся Олег.
- Надо же, какая предусмотрительность, – все еще ершилась Лена, с волнением констатировав, что его улыбка нравится ей все больше и больше. – Паспорт и подделать можно, и украсть.
- Ну, вы даете! – изумился парень. – Вас что, часто обманывали?
- Никогда! – нагло похвасталась Лена.
- Ну-ну, – неопределенно улыбнулся он. И опять его улыбка осторожно тренякнула какой-то струной в Лениной душе.
- Вы случайно не альфонс? – этот вопрос был уже лишним, поскольку ни один нормальный жиголо не заинтересовался бы столь скромным экземпляром.
- Да перестаньте вы, – уже всерьез обиделся Олег. – Я же еще не сделал вам ничего плохого...
- Еще? Впечатляет! Значит, какая-то пакость все-таки запланирована?
- Тяжело-то как с вами, – искренне сообщил парень.
- Ладно, извините, – сдалась Лена. Не сообщать же ему, что это первый раз в ее жизни, когда мужчина сам заинтересовался ею. Его не притащила Светка, обманом заманив в общую компанию и поставив перед фактом, что сегодня ему предстоит ухаживать именно за этой невзрачной девочкой, и не приволокла как быка на бойню мама. Он пришел сам...
- Кстати, – в ней всколыхнулись остатки бдительности. – А кого это вы тут ждали?
- Вас, – просто ответил Олег.
- Нас? А откуда интересно вы узнали, что «мы» тут будем проходить?
- Я вас еще у дома увидел, только вы так быстро уехали, что я не успел предложить подвезти. Пришлось ехать за автобусом.
- У дома? У моего? – Лена напряглась, не понимая, как реагировать на последнее заявление. Похоже, у него на все есть объяснение, но, чтобы успокоиться, это объяснение хорошо бы услышать: – И что вы там делали? У моего дома.
- А я уже неделю вас караулю. Увидел давно, а подойти и познакомиться все не решался. Как видно – не зря. Вон вы как кавалеров в штыки принимаете. Наверное, надоели вам рыцари?
- Это была наглая лесть, граничащая с подхалимажем. Лена не стала принимать условия игры:
- И не говорите, – парировала она. – Шляются под балконом, серенады воют, доспехами бряцают. Соседи уже жалуются.
- Да что вы говорите, – пробормотал Олег.
- «А с чувством юмора у него напряженно, – с неудовольствием констатировала про себя Лена. – Или это я неудачно пошутила?»
- Так что? Обедать мы едем? – Олег говорил ровно, но чувствовалось, что он слегка подавлен ее реакцией.

— Ладно, так и быть, — милостиво кивнула она и неловко полезла в машину. Сказалось отсутствие опыта: она перепачкала подол и несильно ударила о бардачок коленом. Олег торопливо обежал автомобиль и легко нырнул за руль. У него все получалось красиво. Но Лена и собой была довольна: наверное, еще никогда девушки не соглашались на поход в ресторан с этим красавцем в таком возмутительно снисходительном тоне. Последним аккордом в ее торжестве стало то, что, как только машина тронулась, Лена с облегчением вспомнила, что именно сегодня, не желая ударить в грязь лицом перед крикливой Аллой, она надела свой единственный выходной костюм. Все складывалось наилучшим образом.

Ресторан оказался маленьким и очень уютным. Конечно, Ленины ботинки не совсем гармонировали с окружающим великолепием, но, запихнув ноги под стул, она почувствовала себя увереннее.

В непривычной обстановке Лене было очень и очень некомфортно, словно это вовсе не она сидела сейчас с интересным мужчиной в мягком полумраке дорогого ресторана, а кто-то, за кем можно следить со стороны, давая ценные указания. Лена как будто играла чью-то роль, как Золушка, у которой в определенный момент все отнимут и выдадут взамен тыкву и мышей. Возможно, именно поэтому, пытаясь использовать каждое мгновение из этого непонятного происшествия, подаренного судьбой, она и осмелела.

Когда принесли меню, Лена уверенно взяла тяжелую кожаную папку и с умным видом начала читать. Заранее решив, что наплюет на смущающее обилие вилок и ножей, непонятно для чего предназначенных, и будет вести себя максимально естественно, Лена попыталась вычислить в списке витиеватых названий что-нибудь вкусное. В принципе, все звучало многообещающе и, скорее всего, готовилось с вывертом, а она привыкла к простой пище. С другой стороны, почему бы не попробовать что-нибудь экзотическое хоть раз в жизни. Здравый смысл подсказывал, что вряд ли кавалер захочет еще раз так мощно потратиться. Она, конечно, и раньше была в ресторанах, но это были абсолютно рабочие походы. Переводчица, приставленная к опекаемым иностранцам, никогда не успевала ни поесть, ни попить, поскольку пока одна сторона молчала, другая обязательно рассыпалась в светских любезностях, а бедная девушка переводила всю эту ерунду туда-обратно и исходила слюной от дурманящих запахов. Теперь можно было оторваться по полной программе, но это оказалось не так легко. Помучившись некоторое время, она выбрала утку в апельсиновом соусе и взбитые сливки с фруктами.

Олег удивленно пошевелил бровями, демонстрируя полное непонимание подобного сочетания.

— Не волнуйтесь, — многозначительно улыбнулась Лена. — Я вас не опозорю и есть это буду по отдельности.

— Не сомневаюсь, — кивнул он. — Это вместе и не принесут. Вы всегда так мало едите? Или вы стесняетесь?

— Я фигуру берегу, — покраснела Лена, перед которой эта проблема не стояла никогда. Ей не фигуру надо было беречь, а есть с утра до ночи, но отговорка была настолько стандартной, что была принята без возражений.

Она обнаглела и начала рассматривать Олега. Чтобы новый знакомый не заподозрил ее в кокетстве, очки Лена снимать не стала, хотя и знала, что без своих окуляров выглядит намного привлекательнее.

«Если уж навязался, пусть ухаживает за тем, что есть», — решила она после некоторого колебания, но немного опасаясь, как бы не перегнуть палку.

Олег не был красавцем в общепринятом смысле этого слова. Видно было, что он тщательно следит за своей внешностью. Волосы блестели и лежали красивыми волнами, узкое лицо было гладко выбрито, ровные брови двумя четкими густыми полосами разлетались над небольшими блеклыми глазами. Если бы он был низеньким и субтильным, то в нем с легкостью можно

было бы заподозрить представителя каких-нибудь меньшинств, но высокий рост и широченные плечи с лихвой компенсировали некоторую лубочность его портрета. В общем, мачо – да и только!

Олег заерзал под ее пристальным взглядом и аккуратно поинтересовался:

– Вы случайно не особые приметы на моей физиономии выискиваете? Уж больно у вас взгляд суровый.

– А если и выискиваю, то что? Если вы честный человек, то опасаться вам нечего.

– Честный, честный, – заверил ее Олег. – Если не секрет, вас как зовут?

– С этого надо было начинать, – нравоучительно закивала Лена. Ей нравилось, что он смущается, и хотелось закрепиться в своем чувстве превосходства. Пусть не думает, что она уже упала и ползет за ним на пузе от радости, что на нее хоть кто-то обратил внимание.

– Это в песочнице начинают с вопроса «как тебя зовут», – Олег помолчал и добавил: – Так что, наше знакомство так и останется односторонним?

– Лена меня зовут. И что вам это дает?

– Ничего особенного, кроме того, что я могу теперь обращаться к вам по имени. Лена, я вас чем-то раздражаю?

Лене стало стыдно. Наверное, ее поведение ассоциировалось у него с каким-нибудь кактусом, у которого внезапно появилась возможность передвигаться на своих двоих, и он суетится, чтобы успеть уколоть как можно больше объектов, пока конечности снова не вросли в землю.

Олег в очередной раз одарил спутницу своей потрясающей улыбкой, и вся ершистость начала с нее сползать, как лягушачья шкурка с Царевны-лягушки. Лене вдруг мучительно захотелось любить и быть любимой, встретить Восьмое марта с мужчиной, получать цветы и подарки, а не покупать периодически у метро скромные букетики, чтобы многозначительно прикрыть глаза, когда старухи у подъезда ехидно поинтересуются, кто подарил. Она вдруг покраснела и отвела глаза от заинтересованного ее мимическими упражнениями Олега.

– Интересно, это вы сейчас о чем таком подумали? – спросил он без всякой задней мысли, а просто чтобы не молчать в ожидании заказа.

Лена, превзойдя по спелости щек астраханские помидоры, кашлянула и нахмурилась, скрывая растерянность:

– Про работу. Вам это не интересно.

– Зря вы так. Мне про вас все интересно. Помните, в нашем детстве киножурнал такой был: «Хочу все знать»? Вот и я хочу.

– Не знаю, у нас детство в разное время было, – обиделась Лена.

– Это вы в каком смысле? – изумился Олег. – Намекаете, что с меня песок сыплется или что я пешком под стол ходил, когда вы воевали?

Лена нахохлилась. Ей хотелось романтики, но подсознание старательно разгоняло любые намеки на сглаживание конфликта, как глупый щенок – воробьев. Она посопела и ненатуральным голосом спросила:

– Может, вы что-нибудь о себе расскажете?

Прозвучало это настолько фальшиво и пискляво, что ей самой стало противно от собственного лицедейства.

– Расскажу, – с готовностью подтвердил Олег. – У меня свой небольшой бизнес, квартира в новостройке, трехкомнатная. Образование высшее, вредных привычек нет, родители живут отдельно, в баню с друзьями я не хожу, секретарша у меня пожилая, машину вы видели, но собираюсь поменять ее на новую. Да, самое главное, я холост.

– Чего это «главное»? – сипнула Лена. – Мне это не интересно.

– Вам не интересно только мое семейное положение или материальное тоже?

– Пусть вашим материальным положением налоговая инспекция интересуется, – Лена даже взмокла от смущения. Он над ней явно издевался. И прав. Ведет она себя как дура малолетняя, которую мальчик за косичку дернул, а она его в ответ – портфелем по башке. Это в школе нормально, а на фоне надвигающегося тридцатилетия подобное поведение граничит с маразмом. С другой стороны, ее оправдывало то, что у всех накопление опыта в общении с противоположным полом началось еще на школьной скамье, а у нее до сих пор толком ничего и не было. Хотя давно уже пора выйти замуж и нянчиться с детьми.

– Извините, у меня сегодня настроение нервное, – с трудом выдавила она и поджала губы, ожидая ответной колкости: люди имеют обыкновение пинать поверженного противника, игнорируя народную мудрость про то, что лежачего не бьют. Олег ее ожиданий не оправдал. Он вдруг встал и, заговорщицки подмигнув, сказал:

– Я сейчас.

Лена перепугалась. Глядя в его широкую удаляющуюся спину, она в ужасе подумала, что он, не выдержав ее выпадов, решил прекратить знакомство на начальной стадии. Еще больше ее пугала даже не потеря несостоявшегося кавалера, а то, что ее могут заставить платить за заказ. Кто их знает, этих рестораторов: может, тот факт, что они еще ни от чего не откусили, совершенно не означает, что за это не надо платить. Сбегать по-тихому тоже было страшно, если поймают, стыда не оберешься.

Пока она изводила себя картинами разборок с милицией и позорной расплаты с последующими ежемесячными вычетами из зарплаты, Олег вернулся. Она так увлеклась размышлениями о своей нелегкой судьбе, что даже не заметила, как он, улыбаясь, подошел к столу. Его присутствие Лена ощущала только тогда, когда он, приведя в движение воздух в непосредственной близости от нее, резко нагнулся и закрыл обзор роскошным букетом каких-то солнечных весенних цветов. Она даже ощущала на своей щеке его дыхание и едва не сползла со стула от облегчения и нахлынувшего раскаяния.

Лену прорвало, и она начала говорить. Стараясь избегать позорного отсутствия интимных подробностей в ее жизни, она рассказала про маму, про институт, про работу, пытаясь быть остроумной и интересной. Поскольку биография у нее была среднестатистическая, то ничем особенным она порадовать кавалера не смогла. Тем не менее Олег с неподдельным интересом задавал вопросы, поддерживал ее натужные попытки приветливо улыбаться и осторожно шутить, в общем, вел себя идеально. Он непринужденно подозвал официанта и попросил «поставить пока в воду букет для его девушки».

Это было равносильно введению Лены в официальный статус девушки при кавалере. Она прислушалась к внутренним ощущениям. Организм воспринял эту метаморфозу как должное.

«Действительно, почему нет, – согласилась Лена. – Давно пора уже, хватит в девках ходить...»

– Что вы там шепчете? – улыбнулся Олег.

– Это я сама с собой, – хихикнула Лена.

– Лучше уж со мной поговорите, с собой еще успеете.

– В старости? Когда впаду в детство? – хохотнула Лена.

Олег вежливо улыбнулся:

– Ну, надеюсь, до этого еще далеко.

– А я надеюсь, что не доживу до второго детства, – искренне поделилась с ним Лена.

– Я заказал нам красное вино, – не стал развивать тему кавалер. – Вы как? Не против?

После трагического случая с ликером на Валерином дне рождения Лена пила очень осторожно. Хотя сегодня для смелости это не помешало бы.

– Не против, – согласилась она.

– Вы становитесь покладистой. Тогда, пользуясь случаем, спрошу: может, вы и на брудершафт выпить согласитесь? А то неудобно как-то «выкатить».

Слово «брудершафт» моментально разбудило в памяти роскошную сцену из ее любимых «Покровских ворот», когда Савва Игнатьич с гармошкой нарезал круги вокруг стола с крайне интеллигентной публикой, воспринимавшей его как самобытный персонаж. Лена надеялась, что после одного бокала она вряд ли начнет петь или пойдет вприсядку между столиков, потешая степенную ресторанный публику.

– Ладно, давайте на брудершафт, – после небольшой паузы согласилась она.

Но вся ее смелость улетучилась как пена с кока-колы, когда настал момент этого самого брудершафта. Целоваться было страшно. Она вообще плохо себе представляла порядок собственных действий. Ее начало тихонько трясти, а из области солнечного сплетения пыталось вырваться на волю дурацкое хихиканье. На фоне размеренных и красивых движений Олега ее суэта выглядела неприлично. Едва он опустил бокал и выжидательно посмотрел на Лену, красиво хлопнув ресницами и пытаясь изобразить взглядом нечто непонятное, но волнительное, она не придумала ничего лучше, как начать медленно с чмоканьем допивать содержимое своего бокала, пытаясь оттянуть наступление решающего момента. Олег напряженно улыбался, глядя, как девушка по капле цедит вино, при этом уже на последнем этапе Лена перевернула бокал вверх донышком и открыла рот, словно заправский алкоголик, боящийся утерять хотя бы грамм своего зелья. Когда последняя капля гранатовой искрой побежала по тонкому хрусталию, Олег резко придинулся к ней и по-хозяйски растянул на спинке Ленинного стула левую руку. Она, уловив маневр, одеревенела и с неестественно прямой спиной наклонилась к столу, покосившись, как прогнивший у основания столб. Бокал пришлось поставить, освободившиеся руки мешали, и она срочно решила заняться отвратительной уткой, пропитавшейся апельсиновым соусом и по этой причине абсолютно несъедобной. Олег смотрел, как девушка торопливо кромсаёт горячее крохотным ножиком и заталкивает отодранные куски в рот.

– Возьмите другой нож, – не выдержал он наконец. – Этим же невозможно ничего отрезать!

Похоже, отсаживаться он не собирался, а есть, чувствуя его взгляд так близко, было совершенно невозможно. Лена с трудом глотала кисловато-сладкое мясо и смертельно хотела запить этот кошмар большим стаканом сока. Но сока не было, было только вино, и то в бутылке, а Лена точно помнила, что наливать себе самой неприлично. Можно было бы, конечно, помычать с набитым ртом и помахать руками, но вряд ли после этого знакомство продолжится. Олег, словно угадав, снова наполнил ее бокал, вопросительно подняв брови и с трудом поймав ее взгляд. Лена благодарно улыбнулась, стараясь не особо расплываться в улыбке, чтобы не утерять ненавистную утку, залепившую рот, словно кляп. Олег с изумлением смотрел, как вино в очередной раз с восторженным бульканьем утекает в прослезившуюся от счастья девицу.

«Лучше бы уж я сразу поцеловалась», – разозлилась на себя Лена, поняв, что выбрала ошибочную тактику.

– Лена, может, еще что-нибудь заказать? – вежливо поинтересовался он.

Она обреченно помотала головой, испытывая горячее желание запихнуть в рот пару подушечек «Орбиты». Организм, не привыкший к изыскам дорогих ресторанов, тихонько бурлил, размыщляя, вернуть пернатое вместе с соусом обратно или смириться.

Олег осторожно побарабанил пальцами по спинке стула:

– Ну что? Повторим тост или вы еще поедите?

Отпихнув тарелку, Лена повернулась к Олегу, но что ответить, чтобы не выглядеть смешно, она не придумала, поэтому просто застыла, излучая равномерное бордовое свечение. Увидев наплывающее лицо Олега, она зажмурилась и ощутила легкое прикосновение к губам, как будто по ним мазнула мягкая косметическая кисточка.

– Ну, теперь можно и на «ты»...

Их снова разделял стол, Олег сидел напротив и увлеченно ковырялся в своей тарелке. Лена почувствовала себя разочарованной. От первого поцелуя она ждала большего, а Лена

имела полное право считать его именно первым, поскольку пьяное лобызание с растворившимся в глубинах памяти Мишней могло расцениваться как плод больного воображения обоих участников процесса. Хотя кому, как не ей, имеющей диплом филолога-германиста, знать, что слово «брудершафт» переводится как братство, поэтому и поцелуй имел право быть братским.

Голова уже слегка кружилась. Когда принесли облачко из сливок и фруктов, Лена чувствовала себя абсолютно пьяной. Она старалась соблюсти приличия, насколько это позволяли слегка нарушившаяся координация движений и легкий туман в голове. Олег рассказывал какие-то смешные истории, хотя, может, на трезвую голову они и не показались бы ей смешными, если вообще это были именно смешные истории, а не что-то серьезное. Во всяком случае, Олег спокойно реагировал на жизнерадостный смех, которым Лена периодически прерывала его монолог. Алкоголь, погуляв по организму, вызвал некоторое завихрение желаний и активности.

– А давайте танцевать! – она подперла раскрасневшееся лицо ладошками и лукаво улыбнулась.

– Мы же перешли на «ты». Почему «давайте»?

– Потому что вдвоем. Ты же не пойдешь танцевать один! – это показалось ей настолько остроумным, что она дохочоталась до того, что потекли слезы и началась икота. Это Лену слегка отрезвило и встряхнуло: выглядеть перед кавалером пьяной дурой не хотелось. Она сдвинула брови и попыталась остановить очередной приступ хохота какой-нибудь печальной мыслью. Представив, что ее ждет одинокая старость без детей и внуков, в общарпанной квартире с немытыми окнами и драным в некоторых местах линолеумом, если она сию секунду не перестанет испытывать терпение ухажера и вести себя подобным образом, Лена даже побледнела.

Олег с изумлением смотрел на все эти метаморфозы. Особенно его напугало трагическое выражение лица девушки, которым и закончилась смена декораций: брови сложились в скорбный домик и глаза уставились в пол. Нечто похожее появлялось на морде щенка, оставленного ему на время соседом. Это было связано с появлением на дорогущем паркете крохотных трогательных лужиц. Вряд ли, конечно, девушка печалилась по этой же причине, но на всякий случай Олег напрягся. К такому повороту событий он готов не был.

Тем временем Лена, устав бороться с чудовищным нервным напряжением, захотела спать. Ей даже сидеть было тяжело, хотелось съехать по спинке стула и забыться хотя бы минут на двадцать.

– Если хочешь потанцевать, можем поехать в клуб, – Олег решился, наконец, нарушить молчание. Ответом ему было ожесточенное мотание головой и жалобный взгляд. – Тогда могу отвезти тебя домой.

Лена едва не расплакалась: вот так и заканчиваются сказки. Если тебе в руки попадает бриллиант, не надо пытаться растолочь его в пыль, чтобы сделать блеск для губ. В кои-то веки раз ею заинтересовался не просто мужчина, а ого-го какой мужчина, причем это «ого-го» было написано у него на лбу и сквозило во всех его словах и движениях! А она...

«Пишите на себя жалобы, – как сказала бы Светка. Хотя Светке, наверное, даже и рассказывать об этом нельзя: затопчет, заклюет, а потом всю жизнь будет поминать ей эту ошибку и фантазировать на тему, что уж она бы его не упустила».

Олег галантно помог ей подняться, одеться и посадил в машину, бережно пригнув гордо вскинутую Ленкину голову: она решила остаться в его памяти не жалкой курицей, склокившейся на роскошной обивке его автомобиля, а знающей себе цену женщиной, которая сама решает, нужен ей мужчина или нет, в связи с чем и плыла по растоптанному февральскому снегу с видом большого одолжения сопровождавшему ее кавалеру.

Главное в этой неприглядной ситуации – успеть первой озвучить тему расставания. Но как ее озвучить правильно, Лена не знала и всю дорогу старательно избегала внимательных взглядов Олега, мучительно придумывая и продумывая сцену прощания. Самой лучшей идеей ей казалось небрежно бросить «пока!», быстро выбраться из машины и скрыться в подъезде, оставив ему на память только легкий аромат своих духов… нет, с ароматом не получится, она сегодня не подушилась, но это не принципиально. Надо внутренне настроить себя на то, что он ей безразличен, тогда и тон будет соответствующим. Планировать всегда проще, чем осуществить.

В плавный ход событий вмешался субъективный фактор в лице злобного ротвейлера Риччи, которого боялся весь двор. Хозяином собачки был мордатый Митя, в прошлом двоечник и хулиган, а нынче непонятно кто, но с толстой золотой печаткой на мизинце, джипом, похожим на автобус, и многообещающими краткими вербальными заявлениями в адрес жильцов, выражавших недовольство его образом жизни. Хотя желающих высказаться на тему отсутствия у Риччи намордника, поводка и воспитания уже не осталось. Не в том смысле, что их съели, а в том, что они сами свернули свои требования до минимума и обходили колоритную парочку стороной. Риччи не кусался, но его любимым развлечением было с жутким лаем рвануть за кем-нибудь из соседей и желательно побегать подольше. Наверное, собаке не хватало развлечений, но пострадавшие, загоняемые на деревья, заборы и в чужие подъезды, были глухи к нуждам и чаяниям заскучавшего животного. Они строчили заявления участковому, который, устав от своей малооплачиваемой работы, первым делом спрашивал, есть ли свидетели и готовы ли потерпевшие переписать заявление с упоминанием хозяина собаки, поскольку объясняться и судиться, если повезет, придется все-таки именно с Митеем. На этой стадии разбирательство заканчивалось, так толком и не начавшись.

Когда машина притормозила у Ленинного дома, она, коротко вздохнув и грустно улыбнувшись, сказала:

– Спасибо тебе за прекрасный вечер. Все было замечательно. Да, приятно было познакомиться, – добавила она как бы между прочим. Махнув ручкой, она резво выкатилась из машины, изящно наклонившись напоследок к окошку и сказав свое задуманное «пока!».

Мало того что с ее стороны была огромная лужа, и ее старенькие ботинки моментально промокли, навстречу несся, радостно свесив огромный лопатообразный язык, невоспитанный Риччи. Поскольку кроме Лены других жертв не намечалось, он решительно врезался в бескрайнюю лужу и словно скоростной катер погреб к беззащитной девушке. Пронзительно взвизгнув, она нырнула обратно в машину, где в состоянии крайнего непонимания и изумления сидел Олег. Лена так неожиданно свернула их романтическое знакомство, что он даже не успел понять, как реагировать на ее «пока». Никогда еще девушки так легко и быстро не отдавались от его общества. Собаку Олег не видел, поэтому возвращение Лены, с воплем упавшей обратно в машину и захлопнувшей дверь, прищемив большой кусок пальто, показалось ему закономерным продолжением этого сумбурного дня.

Решив опустить факт прощания, озвученный девушкой несколько секунд назад, Олег неуверенно улыбнулся:

– Рад, что тебе понравилось. Может, продолжим вечер где-нибудь еще?

Лена, едва переводя дыхание от ужаса и боясь предположить, что могло бы случиться, успел она отойти от машины на пару метров дальше, слышала только грохот пульса в ушах и бешеное биение сердца. Приняв ее молчание и застывший с приоткрытым ртом профиль за смущение, Олег решил, не откладывая в долгий ящик, продолжить сближение, поскольку неизвестно было, как эта замечательная девушка поведет себя в следующие пять минут: возможно, она еще раз попрощается и уйдет окончательно. Для верности он блокировал двери. Вздрогнув от щелчка, Лена повернулась к нему, а все произошедшее дальше она потом еще долго в деталях пыталась припомнить и пережить снова.

Митя, которого улепетывавшие со всех ног жильцы веселили не меньше, чем Риччи, так и не дождавшись выхода Лены из машины, решил подойти и посмотреть, что же это за кавалер такой у девчонки, если вместе с этой дурехой решил пересидеть нападение в машине и даже не попытался продемонстрировать чудеса героизма. К его огромному разочарованию, парочка не сидела, выпучив глаза от ужаса, и не оглядывала автомобиль по периметру в поисках притаившегося ротвейлера, а самозабвенно целовалась, наплевав на опасность. Крайне расстроенный, Митя свистнул Риччи и пошел домой.

Лена ввалилась домой и на подгибающихся ногах плюхнулась на тумбочку.

– Сколько раз тебе говорить: не садись на тумбу, садись на пуфик. Этой тумбе столько лет, что даже твоего бараньего веса она может не выдержать! – мама вышла в коридор, вытирая руки о фартук. По квартире плыл аромат ванильных блинчиков. Приглядевшись к дочери, она расстроенно сообщила:

– Да у тебя авитаминоз! Сколько раз говорила, ешь лук, чеснок, иначе вся на прыщи изойдешь!

Лена испуганно метнулась к зеркалу. Прыщей не было, зато распухшие губы всколыхнули волнительные воспоминания этого потрясающего вечера.

Мама продолжала бубнить познавательную лекцию о пользе чеснока и лука в осенне-зимний период, но развеселившаяся Лена, пританцовывая, пробежала в кухню, схватила горячий блинчик и, восторженно замычав, пробормотала:

– Конечно, мамуля! Для нас, переводчиков, лук и чеснок – первейшая необходимость. Главное, съесть побольше и дыхнуть на клиента посильнее. Чтобы и его микробы тоже сдохли. Так и вижу, как клиента переполняет благодарность и он начинает делиться со всеми, как ему с переводчицей повезло. Скажу больше, он меня обязательно будет всем рекомендовать потом... с лучшей стороны...

– Болтушка! Куда грязными руками в рот! Немедленно мыться, безобразие! И не хватай никогда на ходу, гастрит будет! Есть надо спокойно, чтобы желудочный сок...

Лена открыла в ванной кран, и последние мамины слова утонули в шелесте воды, бьющей в фаянсовое дно раковины. Она прикрыла глаза, пытаясь вспомнить его лицо, голос, руки...

– Лен, ты заснула, что ли? – мама оперлась о косяк и внимательно изучала отражение ее блаженной физиономии. – Что? Заплатили хорошо?

– Ой, мама! Да разве в деньгах счастье! – Лена мечтательно уставилась в потолок. В глубине вентиляционной решетки клубилась черная пыль. В детстве она всегда боялась, что оттуда вылезет Бука и накажет ее за непослушание.

– Конечно, не в деньгах, – моментально согласилась мама. – Только когда их нет, счастье очень условно и временно. Как рай в шалаше. Или как маникюр. Ладно, хватит болтать, стынет все.

Но спокойно поужинать им не дали. Как только первый блин был намазан сметаной, позвонила Светка.

– Что ты как муха сонная к телефону тащишься, – зашипела она.

– Руки жирные. А чего ты шепчешь?

– Надо. Короче, слушай...

– Ой, Свет, у меня такие новости...

– Да помолчи ты, – Светку было ужасно плохо слышно, поэтому приходилось напрягаться. Мало того что в телевизоре гремел какой-то горластый молодежный ансамбль, еще и мама пыталась донести до Лены ценную мысль, что сначала надо поесть, а потом уже трепаться по телефону, потому что желудочный сок...

Лена вышла в коридор.

— Ленка, слушай сюда. Завтра, часа в три, приходишь ко мне, как бы случайно мимо шла, и смотришь Волика.

— Вовика? Это кто? — Лена от удивления едва не выронила трубку, которую изо всех сил прижимала ухом к плечу: руки, хоть и были старательно вытерты салфеткой, продолжали подозрительно блестеть.

— Не Вовик, а Волик! Вольдемар! Ты что, забыла? — шепот стал максимально громким и злым.

— Нет-нет, — испуганно затрясла головой Лена. — Я помню. Просто не слышно ничего, ты там шипиши как гюрза...

— Сама ты гюрза, — обиделась Светка. — И этому человеку я доверяю свою судьбу!

— Какому?

— Тебе!

— А что я должна сделать-то?

— Как минимум — не обзываешься! У меня времени нет, Волик в ванной.

— А что он там делает? Белье стирает? — изумилась Лена.

— Ха-ха-ха! — прокаркала оскорблённая Светка. — Чрезвычайно остроумно, пять баллов. Такой, как ты, только это и могло прийти в голову. Хотя нет, ты еще могла спросить, не кран ли он там чинит! Ладно, хватит. Короче, завтра идешь мимо, заходишь, пьешь чай и умываешь!

— Свет...

— Все, — пискнула Светка, и из трубы покатились короткие гудки.

Лена растерялась. А вдруг завтра или даже сегодня позвонит Олег и предложит встретиться? А если он уже сейчас звонит? Она понеслась класть трубку.

Но Олег не позвонил. Расстроенная Лена до двух часов ночи ворочалась, прислушиваясь к телефону, ходила проверять, хорошо ли лежит трубка, и в сотый раз прокручивала в памяти их сегодняшнюю встречу, пытаясь понять, что ему могло не понравиться. Хотя, учитывая финал, вряд ли ему что-то не понравилось. Утром, взъерошенная и невыспавшаяся, она пошла к мусоропроводу, прихватив для конспирации ведро. Окна их квартиры выходили на проспект, там машины Олега не было, оставалась только надежда на то, что он, потеряв номер ее телефона, дежурит во дворе. Двор можно было увидеть только от мусоропровода. Вытрясая мусор и едва не выдавив стекло, она вынуждена была констатировать, что и во дворе его машины нет.

Настроение резко упало. На всякий случай тщательно накрасившись — вдруг он все-таки где-то поблизости, — Лена поехала к Карякиной. Она медленно пересекла детскую площадку, потопталась у витрины булочной и только потом побрела к остановке, окончательно убедившись, что любимый про нее забыл.

Едва Лена дотронулась до звонка, как Светка в легкомысленном шелковом халатике, мало что прикрывавшем, распахнула дверь и тут же заорала так, словно у нее в гостях была безнадежна глухая бабка, до которой непременно надо было донести факт прибытия гостьи:

— Кораблева!!! Какими судьбами!!! Сто лет тебя не видела!!!

По лестничной клетке заметалось перепуганное эхо и горохом ссыпалось вниз, оповещая всех жильцов о неожиданном визите. Лена покрутила пальцем у виска и шагнула в квартиру, на тон тише проорав:

— Да вот мимо шла, решила заглянуть. Вдруг, думаю, вы тут чай пьете!

Светка сделала свирепое лицо и ткнула ее в бок, погрозив кулаком:

— Слушай, я тут не совсем одна, но ты все равно проходи, — и свистящим шепотом добавила: — Дурында! Не забудь хотя бы, что ты его имени не знаешь!

С этим Лена была не согласна. Она считала, что любому мужчине будет приятно, если девушка им гордится и рассказывает о нем своим подругам. Но спорить с Карякиной по таким

вопросам была равносильно попытке остановить скорый поезд, уцепившись снаружи за поручень.

То ли весь предыдущий день Светка вместе с кавалером посвятили поеданию продуктов, то ли грязь на кухне она копила всю неделю специально для торжественного события, но факт оставался фактом: чай можно было пить только стоя, держа чашку на весу. Карякина никогда не отличалась особым чистоплюйством, но такого бедлама ее кухня еще не переживала.

Лена начала мучительно соображать, надо ли реагировать на живописную картину разгрома или сделать вид, что это в порядке вещей. Ее мысли были прерваны тихим шуршанием за спиной и вежливым кхеканьем. Лена обернулась и оторопела: вряд ли у Светки гостили два кавалера одновременно, поэтому тщедушное создание, хилой соплей колыхавшееся в полу-мраке коридора, видимо, и было Вольдемаром, психологом, мужчиной-мечтой и очередной Светкиной любовью.

– Здравствуйте, – с непередаваемой интонацией выдавила Лена. В этом приветствии было все: недоумение по поводу габаритов, веселье, вызванное наличием у карякинского возлюбленного обширной лысины, прикрытой начесом редких выującychся волосенок, и жгучее сострадание к неразборчивой подруге, притащившей домой эту ошибку природы.

Вольдемар между тем гордо прошествовал в кухню, церемонно поклонился и представился:

– Вольдемар, для вас можно просто Волик.

– Не будем фамильярничать, – тут же вклинилась в процедуру знакомства Карякина, возмущенно зыркнув на Лену.

– Светочка, представь мне девушку, а то она так смущена, что сама вряд ли сможет. Я вас пугаю, дитя мое?

Он окинул Лену орлиным взором мачо, привыкшего к легким победам. Это настолько не вязалось с его внешним видом, что она едва не прыснула. Вольдемар щеголял в махровом халате одного из предыдущих Светкиных бойфрендов, хоккеиста Василия. Поскольку Василий в карякинской квартире задержался аж на полгода, он слегка обустроил свой быт, украсив ванную дежурной мужской атрибутикой в виде всяческих гелей, пенок, двух угрожающе лохматых мочалок, похожих больше на мотки растрепанной пеньковой веревки, и купив именно этот огромный бордовый халат, для которого он не поленился испортить косяк, прибив туда крюк. Василий считал, что мужчина должен, придя домой, первым делом принять душ и остаток дня прожить в собственном халате. Поскольку от Лены требовалось высказывать мнение по всем Светкиным кавалерам, невзирая на то, что их мнения расходились с точностью до наоборот, Василий тоже был ей предъявлен к осмотру. Вспомнив, как халат смотрелся на шкафоподобном хоккеисте, она вздрогнула от очередной конвульсии внутреннего хохота и пробормотала:

– Меня сложно напугать. Я при желании сама кого угодно так пугану, что никакой логопед потом не вылечит. А зовут меня Елена.

– Очень приятно, – щелкнул голыми пятками Вольдемар. Его ступни терялись в универсальных тапках сорок пятого размера, приобретенных Светкой для мужчин, посещающих ее квартиру. Она рассудила так: большой мужик в маленькие тапки не влезет, а маленький в большие – запросто!

Психолог был похож на гнома из мультика: огромный халат волочился за ним по полу, а тапки ехали по линолеуму, словно лыжи. Ему не хватало только колпачка с кисточкой.

Карякина ловко сгребла со стола остатки то ли ужина, то ли завтрака, переставила посуду на подоконник, то, что не поместилось между цветочными горшками, было расставлено внизу у батареи. Это было настолько не похоже на Светку, что Лена совсем испугалась и осторожно присела на табуретку, предварительно сняв с нее вазу с яблоками. Поставить ее было некуда, поэтому Лена так и сидела, словно позировала для картины «Барышня с фруктами».

Светка поносилась по кухне, освободила еще пару табуретов и разгребла стол. Чайник побулькал и затих, исходя паром.

– Ты случайно к чаю ничего не прихватила? – нахально поинтересовалась она у Лены.

– Случайно нет, – Лене страшно хотелось вытолкнуть из помещения этого лысого уродца и высказать Светке свое мнение по поводу минимальных требований к кандидатам в женихи.

Вольдемар загадочно улыбался и картинно откидывал со лба остатки волос, причем делал это настолько величаво, словно ему было чем погордиться. Медленно усевшись на стул, он закинул ногу на ногу и снисходительно начал разглядывать Лену. Она отвела глаза в надежде, что психолог со стажем не догадается о ее нелестных для его самолюбия мыслях. Вероятно, самомнение Вольдемара настолько зашкаливало, что он мало что замечал вокруг. Зато Лена, наткнувшись взглядом на его жалкие костлявые коленки, поросшие редкими курчавыми волосками, и оглядев тощие конечности, навевавшие воспоминания о детских анекдотах про дистрофиков, окончательно приуныла. Вольдемар, не замечая ее кислого выражения лица и ревнивых Светкиных покашливаний, решил поразить незнакомую девушку своей проницательностью:

– Смею предположить, что вы одиноки…

Лена посмотрела на свои руки, на которых не было ни единого колечка, в том числе и обручального, и внутренне хмыкнула. Со вчерашнего дня она уже не была одинока. Даже если Олег и не появится больше в ее жизни, о чем думать не хотелось, она все равно уже получила свою порцию романтики, и ей было о чем вспомнить на старости лет.

… недостаток мужского внимания сформировал в вас массу комплексов, одним из которых стал страх сближения с мужчиной. Согласитесь, вот вы же боитесь меня, но тем не менее не можете совладать со своими эротическими фантазиями. Вы оцениваете мою фигуру, я видел, видел, как вы разглядывали мои ноги, не отпираетесь! В этом нет ничего зазорного. Более того, это правильно, я даже готов заниматься с вами индивидуально, мне кажется, что вы очень интересный материал для моей докторской…

Краем глаза оценив степень карякинского гнева, Лена быстро встала, решив, что ее участие в последующих событиях будет лишним.

Светка не возражала, замерев в коридоре и глядя, как Лена по-спартански влезает в свое дутое пальто, одновременно зашнуровывая ботинки. Мельком глянув в зеркало, она ободряюще подмигнула Карякиной и крикнула в сторону кухни:

– Хотела дать вам совет на будущее: если желаете очаровать девушку, прячьте свой суповой набор в ватные штаны для иллюзии объемности, купите парик и не рассчитывайте на эротику с женщинами, у которых нет обручального кольца! Многие живут в гражданском браке и окольцовыванию не подлежат. Удачи с написанием докторской и всего хорошего, господин психолог!

– Он же обидится, – возмущенно прошептала Светка.

– Очень на это надеюсь! Хорошо бы, чтобы он не просто обиделся, а обиделся и ушел!

– Я тебе вечером позвоню или завтра утром. Как получится, – вытолкнула ее из квартиры Карякина.

– Надеюсь, что до утра он здесь не протянет, – искренне ответила Лена и помахала Светке ручкой.

Сделав круг почета вокруг дома, она убедилась, что Олега по-прежнему нет. Оставалась только надежда на то, что он звонил. Взлетев по ступенькам, она навалилась на звонок.

Мама торопливо загремела замками:

– Что?! Почему ты так трезвонишь? Что случилось? На тебя напали?

– Мне никто не звонил?

– Нет. Ты мне ответишь?

– Ничего, мам, не случилось. Была у Светки, чайку попила.

– Странно, обычно вы часами треплетесь. Не поссорились?

– Нет. Разве с Карякиной можно поссориться? – Лена внимательно посмотрела на себя в зеркало, размышая, почему он не позвонил. – Просто она не одна.

– Вот! – мама многозначительно вздела указательный палец к потолку, а потом наставила его на Лену. – Молодец девчонка! Вот она никогда одна не останется. Под лежачий камень вода не течет. Пока ты будешь сидеть и ждать принца, их всех переловят еще на подъездах к твоей башне такие, как Света. Хотя если кто и доскачет, то тыпренепременно зашибешь его каким-нибудь цветочным горшком или натравишь собак, чтобы проверить, быстро ли он бегает. В общем, я не сомневаюсь, что любой потенциальный жених не сможет к тебе подойти ближе, чем на сто метров. А на таких дистанциях дети не делаются. Так что не видать мне внуков.

На этой печальной ноте мама закончила свой монолог и побежала на звук веселого шипения, доносившегося из кухни.

Похоже, мама была права. Горшков она на Олега не роняла, но чем-то все-таки отпугнула.

Мысленно перечисляя все свои дефекты с точки зрения семейной жизни, начиная от плохого зрения и заканчивая неумением шить, она побрела к телефону, решив на всякий случай проверить, работает ли он. В трубке безжизненным клубком свернулась тишина. Повертел ее в руках и постучав по стене, Лена никаких результатов не добилась.

– Ну почему именно сейчас! – ей хотелось заплакать. С одной стороны, это объясняло, почему Олег сегодня не позвонил, а с другой – ничего не объясняло, потому что неизвестно, связано ли его исчезновение из ее жизни только с поломкой телефона.

– Что ты тут гремишь? – мама возмущенно выглянула из кухни.

– У нас телефон сломался! – с обидой выкрикнула Лена, словно это Вероника Федоровна была причиной поломки.

– Сломался? – удивилась она. – Не может быть. С чего бы это ему портиться?

Вероника Федоровна взяла трубку, задумчиво послушала тишину, после чего тапочкой легонько пнула телефонную розетку, криво торчавшую над плинтусом. Из трубы немедленно донесся тихий писк.

– Вот и все проблемы! – гордо сообщила она Лене и шлепнула трубку на рычаг. – А тебе нервишки подлечить пора. Чуть что, сразу в крик. Подумаешь, телефон не работает...

– Это тебе «подумаешь», а у меня судьба решается, может быть! И вообще, сейчас даже у школьников трубки есть, а я вынуждена зависеть от этой допотопной коробки! Дикость какая-то. Вот возьму и со следующей зарплаты куплю себе мобильный телефон!

– Да-да, – хмыкнула мама. – А еще жемчужное ожерелье, потому что некоторые их тоже себе покупают, и авто, поскольку некоторых школьников возят на занятия в автомобилях. Ты с кем по мобильному телефону общаться собралась? С Карякиной своей? Купи карточку и звони из таксофонов: дешевле и не украдут!

Лене очень хотелось рассказать маме об Олеге, но она боялась маминой реакции, советов, планов... Да и сам Олег куда-то пропал. В глубине души Лена очень сомневалась, что он пытался дозвониться по неработающему телефону.

Утром ей на работу позвонила Светка. Лена настолько ушла в мысли о резко оборвавшихся отношениях с Олегом, что даже не сразу отреагировала на карякинские всхлипы:

– Все, Ленк! Опять облом. Вот ведь невезуха! Такой мужик и...

– Привет, Светик!

– Слушай, что ты как эхо: я уже там, а ты еще тут. Не тормози. У меня горе.

– Горе?

– Ступеньки-пеньки-пеньки! – сердито передразнила Светка. – Хватит повторять, встрихнись давай. Не выспалась, что ли?

– Я?

– Нет, я! Хотя я-то как раз и не выспалась, но меня оправдывает то, что я пыталась устроить свою судьбу! А вот что делала ты? Только не смей опять переспрашивать, а то я приеду в твою контору и стукну тебя по башке!

Лена едва успела поймать уже щекотавший кончик языка вопрос «я?» и модифицировала его в «ну?».

– Гну. Не телефонный разговор.

– А зачем тогда звонишь?

– Ты сейчас издеваешься или у тебя правда мозговой затор?

– Затор, – согласилась Лена.

– Интересно, – задумчиво протянула Карякина. – А если я сейчас скажу, что ты дура, ты тоже согласишься в манере эха? Слыши, лесная фея! Очнись! Раз разговор не телефонный, то ко мне надо приехать.

– Ну надо так надо…

– А теперь засунь в рот «Рондо»! – рявкнула Карякина.

– Зачем? – Лена с трудом слушала Светку, потому что обычно Карякина углублялась в пространные монологи, и можно было только изредка мычать, поддакивать, в общем, не вникать. Сегодня схема была очень некстати поломана, а мысли, как назло, растекались киселем и не желали оформляться в какие бы то ни было конструкции.

– Так по рекламе положено.

– Свет, что ты за бред несешь? У меня и так голова квадратная, а тут еще ты со своими шуточками! – вспылила Лена, устав успевать за ходом карякинских мыслей.

– Слушай внимательно. Мне. Надо. Чтобы ты. Пришла. Ко мне. После работы. Тчк. Телеграмма принята?

– А, приду…

– Не забудься смотри, болезная, – Светка хмыкнула и повесила трубку.

– Кораблева! Ты в сроки укладываешься? – проверещала климактерическая начальница, видимо, желая придаться хоть к чему-нибудь и начать неделю в тонусе.

– Да, – коротко ответила Лена, даже не потрудившись уточнить, о каких сроках идет речь. Тратить душевые силы на Татьяну Филипповну она не собиралась.

Но та не успокоилась. Не получив привычной порции адреналина, Татьяна Филипповна почувствовала некоторую незавершенность действия.

– Кораблева! А почему у тебя такой беспорядок на столе?

– Чисто только у тех, кто не работает, – неожиданно огрызнулась Лена. У Татьяны Филипповны, восседавшей за девственно чистым столом, на котором стояли только плоский монитор компьютера, канцелярский прибор, заполненный остро отточенными карандашами и новенькими ручками, и регистраторы неизвестного назначения, особой работы никогда не было. Сфера ее интересов была где-то вне кабинета. Лена, периодически покидавшая насиженное место, чтобы поразмяться, замечала будильную начальницу то в курилке, то с чашечкой кофе в бухгалтерии, а то и вовсе наблюдала в окно ее удаляющуюся спину: это называлось «поехать в местную командировку». Какие такие местные командировки могли быть у начальника отдела переводов, Лена искренне не понимала, но сидела тихо и не высовывалась. В любом случае в этой заштатной фирмочке спокойно можно было заниматься своими халтурами и брать больничные для работы на выставках, поэтому она честно терпела затяжную менопаузу, изводившую злобную начальницу.

– Кораблева! Ты на что намекаешь? – грозно рыкнула Татьяна Филипповна, но тон слегка сбавила. – У тебя на столе не рабочий порядок, а помойка. Почему я должна терпеть это хамство? Вся нынешняя молодежь крайне невоспитанна и неаккуратна. Вот поэтому ты до сих пор еще и не замужем! – злорадно добавила начальница. – Такая неряха никому не нужна!

Лене стало смешно. Она вспомнила, как бабушка, еще когда Лена была совсем маленькая, учила ее:

– Хочешь выйти замуж, понравившись свекрови. Хочешь понравиться свекрови, первым делом, когда придешь к ней в дом, возьми швабру да подмети. Что порвано – зашей, что грязно – вымой...

В наше время таким поведением можно только напугать. Женихи, как и свекрови, эти похвальные качества проверяют в последнюю очередь. Вспомнив про женихов, Лена опять приуныла.

– Кораблева, я с кем разговариваю? Что прикажешь мне делать, а?

– Родителей вызывать, – «помогла» ей Лена.

Татьяна Филипповна возмущенно засопела, но продолжать тему не отважилась. Обычно подчиненная не позволяла себе столь независимого поведения.

После работы, стараясь не думать о внезапно пропавшем кавалере, Лена поехала к Карякиной. Светка была в печали. Горе выпирало из нее, как фарш из мясорубки. Она молча открыла дверь и поплелась в кухню, сгорбившись и жалобно шмыгая носом.

Лена, привыкшая к подобным эпилогам подружкиных романтических историй, научилась не обращать внимания на драматический накал обстановки.

Следы вчерашнего разгрома были тщательно заметены, вымыты и рассованы по шкафчикам и полочкам. Чтобы разрядить напряженную тишину, Лена поинтересовалась:

– Слушай, а что это у тебя вчера тут такой бедлам был? Как будто рота солдат пообедать заходила.

– Для него все... – Светка изобразила презрение, отчего ее нос угрожающе сморщился, а брови съехались в жирную прямую линию.

– Первый раз слышу о такой оригинальной жертве. Или это новое течение в психологии?

– Он сказал, что его предыдущая жена была повернута на чистоте. Из-за этого и разошлись. А он натура творческая, и ему не нравится, когда все по линеечке и плюнуть некуда. Вынужденное поддергивание этого самого порядка мешало ему сосредоточиться на докторской.

– Да, у тебя вчера было куда плюнуть, – кивнула Лена. – Хоть обплойся, не заметишь. Кстати, предыдущая жена – очень скользкий термин. Обычно если жена была одна, говорят – первая жена...

– Ой, и в кого это ты такая умная?

– В маму.

– Он был женат четвертый раз.

– Экий ветреник...

– Не гордись. Если бы ты вчера не размалевалась, как на панель, он бы тебя и не заметил.

– Мне его внимание не очень-то и польстило, – обиделась Лена. – Вообще, еще неизвестно, почему от него предыдущие жены сваливали.

– Он сам их бросал.

– Ох, да неужели! Небось цитируешь своего психолога? Так я ему и поверила. Тоже мне, ценный кадр. Плюнь – утонет, дунь – сломается!

– Я не смогла создать ему нужную атмосферу. Я не доросла еще духовно, – печалилась Карякина.

– Ты для чего атмосферу создать не смогла?

– Для того самого, – Светка снисходительно скривилась. – Тебе еще рано об этом знать!

– Не хами. Если ему нужна атмосфера, до которой нужно дорасти духовно, а без этого никак, то прими мои поздравления! Тебе повезло, что он ушел! Пусть несет свою духовность к доктору и там тренируется. Сморчок!

— Ай, много ты в этом понимаешь. Теория и практика, да будет тебе известно, в реальной жизни несовместимы, — Светка посмотрела на нее, изображая старую мудрую сову. Казалось, еще немного, и Карякина, окончательно войдя в образ, ухнет и захлопает крыльями.

Лене стало смешно, но улыбаться перед лицом глубочайшей утраты, в очередной раз постигшей безнадежно холостую Карякину, она побоялась. Тем более что Светка в данный момент возилась с горячим чайником. Поразмышлив, Лена решила, что рассказывать подруге о своих проблемах сейчас — не самое подходящее время, поэтому просто начала поддакивать и кивать головой в такт Светкиным жалобам. Карякина выпустила ее не скоро, совершенно измочалив своими стенаниями и перечислением всех утрат за последние годы.

Покружив вокруг дома, Лена наткнулась на гулявшую там же маму.

— Ты что, обалдела? — без предисловий накинулась на нее Вероника Федоровна. — Ты на часы смотрела? Я чуть с ума не сошла! Где ты болталась столько времени?

— У Светки.

— У Светки! — мама зло схватила ее за рукав пальто и потащила домой. — С ума сойти! И ты так спокойно об этом говоришь! А меня предупредить ума не хватило?

Лене стало стыдно. На это у нее ума действительно не хватило, хотя обычно она всегда предупреждала. Сказалась нестандартность ситуации. Похоже, любовь, и правда, выбивает из колеи и мешает жить. Машины Олега нигде не было. Печально оглядев двор, она поспешила за сердито топавшей по лестнице мамой.

А утром случилось чудо. Так всегда и бывает, когда перестаешь ждать и надеяться, оно внезапно приходит, как будто только и ждало этого момента.

Лена топталаась на остановке, тоскливо оглядывая конкурентов. С троллейбусами опять что-то случилось, ни в одном направлении рогатые друзья человека не двигались. Горизонт тоже был чист. Лена еще не опаздывала, но уже нервничала: давать злобствующей Татьянне Филипповне лишний шанс побрызгать слюной ей не хотелось.

— Лена! — этот голос она узнала сразу. Именно его она ждала эти два дня, и именно его решила забыть сегодня утром за завтраком.

Из головы моментально вылетели все наставления о том, что девушка должна быть гордой, независимой, что нельзя показывать мужчине, как он тебе нужен, иначе он тут же с ловкостью блохи запрыгнет тебе на голову и начнет упиваться собственной властью. Лена в несколько прыжков долетела до машины, из окошка которой светилась улыбкой физиономия Олега.

— Ты почему не звонил? — обиженно спросила она, моментально пожалев о своих словах. Так говорить было нельзя, это было унизительно и жалко, но он не дал ей продолжить. Они снова целовались, как в тот первый вечер, а народ на остановке завистливо пялился на счастливчиков: тетки, придавленные одиночеством или, наоборот, многолюдностью семейства и отсутвием романтики, завидовали чисто по-женски, остальные — просто по-человечески, поскольку на остановке было холодно, а в машине тепло.

— ...и все-таки, — решилась она выяснить волновавший ее вопрос, — почему ты не позвонил?

— Занят был страшно, — просто ответил он. — Но очень скучал, правда.

— Занят? В выходные? — Лена не поверила, но углубляясь в тему побоялась.

Словно почувствовав ее настроение, Олег пояснил:

— У меня ненормированная рабочая неделя, из восьми дней. Когда работаешь на себя, это нормально. А когда на дядю, можно и отпуск потребовать.

Лена понимающе кивнула, хотя ей было бы приятнее, если бы на первом месте была все-таки она, а не бизнес.

Олег уверенно вел машину по забытым пробками улицам и веселил ее какими-то историями. Лена рассеянно кивала, боясь момента расставания. А вдруг он опять нырнет в свой бизнес, как налим в прорубь, и она снова будет изнывать у телефона. Неужели любовь так мучительна? Или это только у нее все не как у людей? Прав, наверное, карякинский психолог: все беды от комплексов.

Когда машина затормозила у Лениной фирмы, которую мама презрительно называла «Рога и копыта», они снова начали целоваться. В какой-то момент Лена поймала свирепый взгляд любимой начальницы, а может, ей это только показалось... Голова кружилась, счастье распирало, а мысли диким табуном уносились в недалекое будущее, поднимая радужную пыль надежд и планов. Поэтому его ласковое «пока!» и галантно приоткрытая дверь автомобиля, недвусмысленно намекавшая, что пора уматывать, были сродни ледяному душу в жаркий полдень. В полном изумлении она шагнула на асфальт и помахала рукой вслед удаляющейся машине.

«И что дальше? – ехидно спросила она сама себя. – Тоже мне, Черный плащ! Бэтмен на пенсии!»

Ее переполняла обида. В самом дальнем уголке сознания билась рациональная мысль: надо посоветоваться, поскольку сама она уже не в состоянии оценивать ситуацию объективно. Светка тоже, влюбившись, теряла четкость мышления и дурела, как кошка от валерьянки, всякий раз производя на окружающих шокирующее впечатление неординарностью своего выбора. Пора было привлекать общественность, поскольку, даже не имея опыта, можно дать дальний совет, разглядев со стороны то, что изнутри ни при каких условиях увидеть невозможно. Первым представителем общественности, отреагировавшим на утреннее событие, оказалась все та же Татьяна Филипповна. Едва Лена вошла в отдел, исходившая злобой начальница квакнула:

– И сколько сейчас времени. Может, тебе часы пора купить?

– Не на что, – не оборачиваясь, ответила Лена, аккуратно пристраивая в шкаф свое пальто. При дневном свете оно радовало россыпью грязных пятен на подоле, торчащими из некоторых швов нитками и замысловатыми подтеками, обильно изрисовавшими тыл. Все это ненавязчиво наталкивало ее на мысль, что пора бы и сменить его на что-нибудь менее мрачное. – Если зарплату прибавят, то я с удовольствием обзаведусь будильником и буду приходить на работу под его мелодичный звон, чтобы скрасить ваше одиночество.

– Ты! Что? Ты что себе позволяешь?! Это что за намеки?

Лена и сама удивилась своему выступлению. Похоже, что появление в ее жизни Олега благотворно повлияло на ее характер. Мягкотелость и бесхарактерность, с которыми и она, и мама безуспешно боролись всю жизнь, начали сдавать позиции. Во всяком случае, она стала чувствовать себя менее уязвимой, хотя наличие кавалера было перманентным.

– Я не намекаю, я прямо говорю: пора бы прибавить оклад, а то я работаю за двоих, а получаю за полчеловека.

– Это не дает тебе права опаздывать!

– Я и не опоздала.

– Как это не опоздала? Сейчас девять ноль одна, а ты только валенки свои расшнуровываешь! В девять ровно ты должна сидеть за столом и работать, – Татьяна Филипповна раздраженно грохнула кружкой по полировке, на столе немедленно образовалась темная лужица кофе.

Хмыкнув, Лена в долгую не осталась:

– То-то я смотрю, вы уже вкалываете. Кстати, пить много кофе вредно, цвет лица портится.

Татьяна Филипповна покрылась синеватыми пятнами, медленно наливающимися яростной краснотой:

– Может, ты желаешь уволиться?

— Может, и желаю, — пора было сдаться, но Лена уже не могла остановиться. — Заявление сейчас написать?

Начальница, еще на прошлой неделе спихнувшая ей целиком перевод, который рассчитан был на двоих, прикусила язык: текст был сложным, а она такие страхи как не любила.

Лена, так и не дождавшись ответной реплики, подняла глаза на Татьяну Филипповну, та сидела и молча хлебала свой кофе, уставившись круглыми глазами в окно. Но едва только Лена расслабилась и потянулась за бумагами, решив попить чай попозже, дабы не усугублять конфликт, как коллега с наслаждением, отодвинув кружку, сообщила:

— Такие красавцы на таких мышах, как ты, не женятся. А уж эти показные поцелуи... Тыфу!

Лена густо покраснела. Сама того не зная, эта мегера ударила ее по самому больному и высказала вслух мысль, которая у самой Лены холодной змеей свернулась на дне подсознания: слишком красивый мужик и слишком неожиданно и красиво все получилось.

Вечером Светка, поработав психотерапевтом, развеяла все ее сомнения. Калякина отошла от своего горя и готова была к новым подвигам. Диплом психолога у нее уже имелся, и теперь маленький столик в кухне снова был завален всевозможными газетами и журналами: Светка искала новое место работы. Старое было покинуто еще месяц назад, но она могла позволить себе подобные эксперименты. Ее отец, еще в далеком Светкином детстве бросивший их с матерью без алиментов, исчез на долгие восемнадцать лет, а теперь появился в ее жизни и старательно замаливал грехи прошлого, подкидывая дочурке солидные суммы «на жизнь». Папашка нынче был при деньгах, но Светка обращалась к нему лишь в крайних случаях: нанесенную маме и ей обиду она простить так и не смогла.

Когда Лена, никогда не видевшая своего отца и от этого чувствовавшая себя немного ущербной, пыталась вразумить подругу, что родителей не выбирают, что их надо любить такими, какие они есть, как и непутевых детей, Калякина начинала злиться и орать:

— Почему я должна его сейчас любить? Он имеет право сделать в своей любви перерыв, а я нет? Теперь у меня отпуск! Где он был, когда нам жрать нечего было, когда я зимой в демисезонном пальтишке ходила, когда мама болела, а денег на нормальные лекарства не было? Где? Занят был. Имеет право. Только теперь я занята. Извиняйте!

— Но ты же берешь у него деньги, — Лена пытаясь понять ее позицию, но не понимала. В Светкиной непримиримости и принципиальности зияли обширные прорехи.

— Беру, — соглашалась Светка. — Когда они мне нужны. Это я получаю алименты, недополученные за предыдущие годы. Ясно?

Лене ясно не было, но спорить она переставала. Светку она любила: ей можно было доверить самое сокровенное.

Внимательно выслушав Ленин рассказ, лучшая подруга почесала нос, походила по кухне, потом решительно села и строго поинтересовалась:

— Это все? Или есть что-то еще, о чем ты решила умолчать?

— Все, — искренне удивилась Лена.

— И почему тогда ты мне все это рассказываешь таким тоном, словно в результате он спер у тебя кошелек и сгинул в неизвестном направлении?

— Ну, кошелек-то он не спер, а сгинуть сгинул, — печально подтвердила Лена.

— Слушай, Кораблева! У тебя с головой все нормально? Он взрослый мужик, у него своя жизнь, работа, он что, должен был встать на колени перед твоей конторой и ждать окончания рабочего дня? Или трендеть на гитаре под твоим балконом? Ты случайно не свихнулась на радостях?

— Да какие радости, Света?! Я про него ничего не знаю! Где он, кто он? Может, он домашник! — в сердцах выпалила она.

– Конечно, – гоготнула Светка. – Вот он и присматривается сейчас к твоим роскошным апартаментам. Скажи честно, что у вас там можно вынести?

– Телевизор хотя бы...

– Чтобы эту допотопную бандуру кто-нибудь согласился вынести, вам придется заплатить.

– Да ладно, не такой уж он и старый. В конце концов, при желании всегда можно найти, что украдь!

– Конечно, – неожиданно согласилась Карякина, нахмурилась и изрекла: – Можно, например, обои со стен соскоблить или паркет снять. Сейчас дерево, знаешь, какое дорогое!

Не выдержав серьезного тона, Светка захохотала. Лена надулась и начала молча пить чай.

– Ладно, не дуйся, лопнешь, – успокоилась Карякина. – Ну сама подумай, что ты мелешь. Какой бабе первым делом придет в голову версия, что красивый парень, который за ней ухаживает, домашний? С чего ты взяла, что не можешь понравиться нормальному мужику? Какие у тебя дефекты?

– Не знаю, но почему-то до сих пор от меня все бегали, словно у меня сибирская язва.

– Никто от тебя не бегал. Сама виновата: никуда не ходишь, если тебя куда и вытащить, так ты от мужиков шарахаешься или умудряешься сказать что-нибудь такое, что они моментально теряют к тебе интерес. Кстати, я давно хотела спросить, все забывала, а что ты такое сказала тогда Вадику, что он ушел не попрощавшись?

– Какому еще Вадику?

– Помнишь, у меня был парень, Митя? Мы с тобой ходили к нему на день рождения, и я познакомила тебя с его другом, Вадиком. Его, кстати, специально для тебя пригласили, и ты ему вроде бы сначала понравилась. Он еще застенчивый такой был, интеллигентный, в твоем вкусе.

– А-а, этот...

– Этот, этот. Так что ты такого ему ляпнула? Просто интересно. Бесценный опыт на будущее. Вдруг мне тоже надо будет кого-нибудь отшить, чтобы моментально отлип, как будто током долбануло.

– Да я сама тогда удивилась, – вспомнила Лена. – Я хотела ему что-нибудь приятное сказать, а то он смущался и молчал все время. У него то ли одеколон, то ли дезодорант очень приятно пах, я решила спросить, как он называется, только не успела до этого дойти.

– Надо же, видать, издалека шла, – усмехнулась Светка.

– Ну не в лоб же его спрашивать. Я хотела плавно и ненавязчиво. Мы когда танцевать стали, я его спросила, пользуется ли он мужской косметикой, а там музыка так орала, что он стал переспрашивать, ну я и решила объяснить по частям. Успела только спросить, моется ли он. Так неудобно получилось.

У Карякиной от хохота потекли слезы. Она мотала головой и дрыгала ногами, как лошадь, переживающая нападение слепней. Лена не выдержала и тоже засмеялась. Навеселившись, они вернулись к текущему вопросу.

– Он красивый? – почти утвердительно спросила Карякина.

– Не то чтобы красавец, но интересный, – подумав, ответила Лена.

– Зарабатывает хорошо?

– Неправильно ставишь вопрос. Главное, не сколько, а как?

– Эх ты, святая простота. Это только для тебя главное «как?», для всех остальных основной вопрос – «сколько?» – Светка с жалостью посмотрела на подругу. – Давай исходить из оптимального варианта: человек работает, а значит, зарабатывает. Машина у него какая?

– Только не смейся, – предупредила Лена. – Я марку не знаю. Не посмотрела. Серебристая такая, большая.

– Похоже, что не «Запорожец», – кивнула Карякина. – Их обычно в более веселые цвета раскрашивают.

– Да ну тебя, тебе бы все шутить. Иномарка какая-то. Просто я не посмотрела на эмблему.

– Ладно, – Светка загнула два пальца. – Мужик с внешностью и с деньгами. Так?

– Так, – выжидательно кивнула Лена.

– Он к тебе неравнодушен, – третий палец присоединился к двум первым.

– Это еще большой вопрос.

– Не вопрос. Иначе с чего ему с тобой целоваться?

Лена пожала плечами, но не нашла что ответить на это логичное замечание.

– Ты хочешь, чтобы он вел себя, как в кино?

– Хочу, – честно ответила Лена. – Кто ж не хочет?

– Ты давно последний раз фильмы про любовь смотрела? Там обычно после красивых сцен в бантах и розовых соплях главный герой либо тонет, либо, если повезет, живет на необитаемом острове до самой старости, или садится в тюрьму, или его разбивает паралич, и преданная возлюбленная на протяжении двухсот серий его выхаживает. Ты готова носить перепадки в тюрьму или сидеть у постели умирающего?

Наверно, Лена недостаточно сильно влюбилась, поскольку ничего подобного она не хотела. Более того, она ощущала, что абсолютно не готова к подвигу.

– Из всего, что ты тут рассказала, я хочу только сопли с бантами, – подумав, сообщила она Карякиной.

– Вот. Это правильно, – обрадовалась Светка. – Хотеть не вредно. А теперь подумай, что ты можешь предложить ему в обмен на банты?

– Я могу вкусно готовить, научиться шить, быть хорошей женой…

– Достаточно, – прервала ее подруга, насмешливо постучав пальцем по своему виску. – Это ты отлично придумала. А теперь слушай сюда: в ресторане готовят лучше, одежду покупают в магазинах, супружеский долг, как правило, лучше всех выполняют профессионалки, для ведения домашнего хозяйства можно нанять домработницу, ну и так далее. Все это намного дешевле и менее обременительно в моральном плане, чем жена.

– А дети?

– Я на собственном опыте убедилась, что дети в жизни мужчины не самое главное!

– У тебя же нет детей! – изумилась Лена.

– Зато у меня теперь есть папа!

– Но не все же такие, как он. Многие до самой старости живут вместе!

– Зато какой ценой! Наступая на горло собственной песне!

– Я не понимаю, – разверла руками Лена. – Ты что, хочешь сказать, что замужество миф и мужики не нужны? Что же тогда сама ищешь своего единственного?

– Потому что все, что я говорила, – теория. Ее надо знать и учитывать, чтобы совершать как можно меньше ошибок и быть готовой ко всему. А еще есть практика, которая идет вразрез с теорией. Если ты его любишь, то все остальное не имеет значения, только надо стараться прыгнуть в этот омут с открытыми глазами, чтобы потом не очень сильно удивляться. Короче, если на твоем жизненном пути появился красивый богатый мужик, не надо считать его миражом или искать подвох. Просто пользуйся.

– А любовь? – Лена окончательно запуталась в Светкиных умозаключениях.

– Нет, ну ты меня слушала или как? Я же говорю: красивый, богатый! По-твоему, в него можно не влюбиться?

– Конечно, можно. Мало ли их таких ходит, что ж теперь, по всем сохнуть? – удивилась Лена.

– Да я же не предлагаю тебе положить глаз на чужого мужика! Ты что, глухая? Повторяю: если на твоем, понимаешь, именно твоем, пути появляется такой экземпляр и проявляет

именно к тебе внимание, хватай, суй в карман и беги в укромное место. Главное – успеть застолбить, а потом уже разглядывать, что ты такое подобрала.

– Фу, ну и аллегории у тебя. Что значит «подобрала»? Он же не это, не...

– Это, – обреченно кивнула Светка. – Именно это, то, что ты подумала. Только тут как в анализах: у кого-то плохие, у кого-то хорошие.

– С таким отношением к мужикам у тебя неправильная ориентация, – хихикнула Лена. – Может, тебе ее сменить, и все наладится.

– Мне прямо сейчас менять или подождать, пока ты уйдешь?

– Лучше подождать. Я тут подумала: а не может быть, что ты своим кавалерам тоже озвучиваешь что-нибудь подобное. Я бы на их месте тоже обижалась и уходила. Навсегда, – осторожно заметила Лена.

– Я с тобой опытом делиюсь, бесценным женским опытом, а кавалеры ни о чем таком даже не догадываются. Они вообще скользят по поверхности, считая, что у женщин в голове воздух и гирька-противовес, чтобы череп прямо держался. Даже если что-нибудь обидное по ошибке ляпнуть или проговориться о своих размышизмах, они все равно не услышат, а услышат – не поймут.

– Свет, тяжело тебе жить, наверное, – предположила Лена, аккуратно разглаживая фантик. – Если ты изначально относишься к своему мужчине, как к существу низшему, то он не может этого не чувствовать. Это же оскорбительно...

– Для тебя – да, а они на такие мелочи не заморачиваются. Женщина, глядя на возлюбленного, мечтает о розовом рассвете на берегу моря, а мужик в это время грезит малиновым борщом и миской сметаны. Лучшие из них терпеливо ждут, пока тетка намечается и пойдет к плите варить этот самый борщ, но большинство обрывает ее в полете и гонит в кухню скалкой.

– Очень миленькая картинка. Приятно с тобой поговорить. Сразу наполняешься оптимизмом и верой в лучшее, – Лена ожесточенно смяла идеально отглаженный фантик и скатала из него шарик, который полетел Карякиной в лоб. Светка показала ей язык и пояснила:

– Я хочу, чтобы ты перестала грызть свой энергетический хвост! Это нормальное мужское поведение: появляется, когда хочет, никаких обязательств. Девушка, которая не требует отчета, всегда более привлекательна, чем та, которая виснет на галстуке и требует объяснений.

– Я так не могу. Я не понимаю, на каком уровне наши отношения...

– Насколько я могу судить – на уровне поцелуев или вы уже съехали ниже?

– Светка! – Лена шлепнула ладошкой по столу. – Ты обалдела?

– Нет, это ты обалдела. Надеюсь, ты ему еще не сообщила, что сначала замуж, а потом постель?

– Глупая шутка.

– Интересно все-таки, это ты в каком смысле: что ежу ясно, что сообщила, или, что сама собой, сначала замуж?

– Карякина! Мне скоро тридцатник стукнет. Не надо воспринимать меня как недозрелую школьницу!

– Главное, чтобы он тебя так не воспринимал, а на меня смело можешь плюнуть.

– Тьфу! – с готовностью высказалась Лена.

Светка вдруг сделала страшное лицо и умчалась в коридор. Пошуршав там чем-то пару минут, она вернулась с криком:

– Ну-ка глянь на меня! На кого я похожа?

Она стояла на пороге кухни в Ленинском единственном дутом пальто, которое было изначально задумано черного цвета, но за четыре года носки вытерлось и поблекло, покрывшись несимпатичными разводами. Фасон вообще отсутствовал, поскольку назвать фасоном два кризоватых прямоугольника с пришитыми к ним рукавами язык не поворачивался. Раньше Лена

видела его только на вешалке или на себе в зеркале, теперь, посмотрев на него со стороны, она ужаснулась: Карякина в этой попоне производила крайне жалкое впечатление.

– Это я еще без твоих аховых ботинок, – поймала ее мысль Светка. – Не пугай мужика. Я не удивлюсь, если он элементарно стесняется показаться с тобой на людях. Хотя мог бы и сам тебя приодеть, раз деньги есть.

– Во-первых, я не его содержанка, – сердито ответила Лена, вытряхивая подругу из пальто. – Во-вторых, я его денег не считала, может, у него нет лишних, чтобы одевать всех малоимущих. В-третьих, намек понят. Завтра же куплю новое.

– Ага, – подхватила Светка. – Такое же страшненько! Только без пятен. Я с тобой поеду, чтобы предотвратить катастрофу.

– Ладно.

Лена решила, что лучше уж взять Карякину с собой, чем потом слушать, что она купила не то.

Олег опять не позвонил. Лена легла спать, но глаза категорически отказывались закрываться, а попытка посчитать слонов многократно проваливалась, поскольку мысли съезжали с нужной траектории и крутились вокруг загадочного кавалера.

Утром он тоже не появился. Потолкавшись в общественном транспорте и нахально отпросившись у притихшей Татьяны Филипповны с обеда, Лена двинулась за обновками. В дорогих магазинах, куда магнитом тянуло бескомплексную Карякину, на них посматривали с сомнением и пристально следили, чтобы клиентки чего-нибудь не прихватили с собой.

– Дело не в цене, – вещала Карякина. – Деньги – пыль. Модели безобразные, вот поэтому я и не настаиваю, чтобы ты здесь что-нибудь покупала.

– У меня сегодня с собой пыли маловато, – на всякий случай предупредила Лена. – Пропылесосила я на днях, так что, может, не будем терять время, а пойдем на рынок.

– Ленка, как ты не понимаешь! Надо не только покупать, но и знать, чем дышит нынешняя элита, чего носят, что модно…

– Нынешняя элита дышит пылью, – скаламбурила Лена. – А у нас ее нет. Поехали на рынок, дело к вечеру, там все позакрывают, и останусь я голая. Завтра меня вряд ли отпустят с обеда.

– Зануда ты, Кораблева. И почему на тебя этот красавец клонул? Смотри не отпугни.

– Не каркай.

– Кэрр! – обрадовалась Светка.

В метро она нагло потребовала уступить место инвалиду и усадила не успевшую ориентироваться Лену на мягкий диванчик. Поскольку Карякина гаркнула на весь вагон, народ оживился и с любопытством начал разглядывать «инвалида». Светка нависла над ней и, пытаясь перекричать шум поезда, орала что-то про судьбу и везение.

На остановке полноватая женщина, сидевшая рядом и с интересом разглядывавшая Лену, наконец, отважилась спросить:

– А что с ней? Броде целая.

В образовавшемся затишье, пока вагон стоял с гостеприимно распахнутыми дверями, Светка равнодушно обронила:

– Снаружи целая, а в голове… Буйная она. То сидит молча, то как в горло вцепится. Шарф поправьте на всякий случай, хоть какая-то защита…

Тетку сдуло, а Карякина, сев на моментально освободившееся место, продолжила свой глубокий философский монолог, вопя Лене прямо в ухо:

– Это судьба, но ее надо крепко держать за хвост. Даже если вырвется, перья останутся!

– И куда мне эти перья потом втыкать? – пробормотала Лена. Как ни странно, но ее тихую реплику Карякина расслышала даже сквозь грохот электрички.

— Узко мыслишь, в этом твоя ошибка! Я имела в виду, что после мужиков обычно остаются подарки и обновленный гардеробчик. Неважно, за чей счет, но обновленный!

— А еще остается разбитое сердце.

— Каждый последующий может склеить все, что разбил его предшественник!

— Какая глубокая мысль.

— Давай, инвалидка, двигай — приехали, — Светка бегом вытащила ее из вагона и веселым галопом погнала к эскалатору.

Домой Лена вернулась совершенно измочаленная шопингом, но счастливая. Наглая Светка умудрялась торговаться, не стесняясь искать дефекты и даже попыталась оторвать пуговицу на приглянувшейся курточке, чтобы сбить цену. Обратно Лена ехала в обновках. Ей мучительно хотелось, чтобы Олег дежурил у подъезда и увидел ее в новой куртке и изящных сапожках, но, увы, надежды не оправдались.

Мама была в восторге, а Лена неожиданно ощутила, что покупки резко подняли ее самооценку. Покрутившись перед зеркалом и с сожалением разоблачившись, она поймала себя на крамольной мысли о том, что копить на квартиру глупо, потому что все равно не накопишь, а вот жить сегодняшним днем и не выглядеть убого на фоне многочисленной армии незамужних девиц более перспективная цель.

Утром Олега опять не было. Лене стало жаль времени, потраченного на раскрас лица и прическу. Оказалось, что бигуди — это не просто бесформенная куча металлических трубочек с резинками, а очень даже полезная вещь. Мама только ахала и в умилении моргала глазами. Последнее, на что отважилась Лена, это очки, не водруженные, как обычно, на нос, а аккуратно спрятанные в сумочку. Окружающий мир слегка смазался, зато она почувствовала себя принцессой перед коронацией. Правда, она вынуждена была пропустить пару троллейбусов, поскольку не смогла вовремя распознать номер, но эта потеря ее мало смутила. Она все еще надеялась, что Олег приедет, как в прошлый раз, и ей не хотелось покидать остановку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочтите эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.